

СЦЕНА И ЖИЗНЬ

Еженедѣльный, театральный и литературно-художественный иллюстрированный журналъ.

II годъ изданія.

№ 17.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 27-ГО АПРѢЛЯ.

1908 Г.

СОДЕРЖАНІЕ:

„Сны“,—элегія въ прозѣ **А. Дружининой-Гарди**; „Весеннее“,—стих. **Еф. Бахарова**; „На покоѣ“,—этюдь **Д. Шапиро**; „Покровитель“,—разсказъ **В. Финити**; „Обыденное“,—очеркъ **В. Блохина**; „А солнце весеннее такъ ярко сіяетъ“,—эскизь **А. Мирновича**; Театръ: „Исканіе правды“—изъ записокъ театр. критика **В. Лиснаго**; „Мысли объ одномъ инородч.комъ театрѣ“,—статья **С. Гена**, Рецензіи: „Закрытіе сезона въ Александринскомъ театрѣ“, **В. Блохина**;

„Московскій Художественный театръ. „Жизнь Человѣка“, **Ц. Гроссъ**; Шереметевскій концертъ. Чествованіе памяти Рихарда Вагнера, **С. Гена**; „Свободная любовь“, **Н. А. Лецаго**; Театральная хроника; Литература и писатели: „Будущій генералъ“, **М. Попова**; „Новости литературы. „Изъ дневника“, стих. **А. Грунина**; „По Россіи“. Портреты: **Н. М. Пушкина**; шаржъ—худ. **И. Грабовскаго**,

Съ эстрады грянулъ вальсъ. Костюмированные стройными парами закружились подъ тягучіе, полные нѣги, звуки. Все пришло въ движеніе. Лица мужскія и женскія распускались, какъ цвѣты подъ солнцемъ, охваченные обаяніемъ экзотически-красивой толпы и того неуловимаго аромата изящнаго бала, обаянію котораго такъ властно подчиняется всякій. Но на фонѣ пестрыхъ нарядныхъ группъ я замѣтилъ у колоннъ неподвижно стоящую, очень стройную, небольшую женскую фигуру. На ней былъ костюмъ Боденхаузенской сказки. Я не могъ разсмотрѣть сквозь толпу ея лица, но я угадывалъ его красоту по безукоризненнымъ линиямъ изящнаго овала, да еще пара громаднѣхъ, глубокихъ синихъ глазъ совершенно сразили меня. Эти широко раскрытые глаза, съ какимъ то полу-дѣт-

скимъ, не то изумленнымъ, не то внутрь себя уходящимъ взоромъ—привели въ странное волненіе мою душу художника. И весь обликъ красавицы въ широкомъ, свободномъ одѣяніи, съ волной распущенныхъ волосъ, въ самой неподвижности своей былъ такъ волшебнo-прекрасенъ, и въ то же время свѣтился такой чарующей, свободной, женственной силой, что это восхитительная Миньона разомъ нарисовалась мнѣ воплощенной грезой чистой женской красоты, натуры для которой я такъ долго и тщетно искалъ.

Мучительное желаніе подойти, заговорить съ ней—охватывало меня все сильнѣе. Но то, что такъ не трудно сдѣлать на балъ-маскарадѣ съ каждымъ, кто хоть сколько нибудь интригуетъ ваше воображеніе, я не могъ примѣнить къ своей „грезѣ“, какъ мысленно я уже называлъ ее въ своихъ мечтахъ. Долго-бы еще мнѣ пришлось мучиться и волноваться, если бы случай не пришелъ на помощь. Какой то толстый господинъ, съ высокими воротничками и наглымъ выраженіемъ сытаго, глупаго лица, склонялъ передъ ней свой лоснящійся черепъ, приглашая на туръ вальса. Я видѣлъ, какое бояз-

ливое отвращеніе сверкнуло на минуту въ глазахъ молодой дѣвушки, и я, поспѣшно протиснувшись сквозь толпу, позвалъ ее. Она положила свою крошечную ручку мнѣ на плечо, и мы унеслись въ томъ невыразимо блаженномъ вальсѣ, какой бываетъ у очень молодыхъ людей и одинъ разъ въ жизни.

— Зачѣмъ вы здѣсь и одна,—спросилъ я, усаживая ее въ одной изъ прилегающихъ маленькихъ гостинныхъ.

Она посмотрѣла на меня широко-раскрытыми глазами удивленнаго ребенка.

— Откуда это скопище,—полувопросительно промолвила она, не отвѣчая на мой вопросъ.

Эта маленькая фраза, по непонятной ассоціаціи, вдругъ близко, совсѣмъ близко придвинула ко мнѣ всю нравственную фигуру загаточного существа, сидящаго сейчасъ подлѣ меня. И ея странная фраза, и самый тонъ, какимъ она прозвучала, дали понять мнѣ очень много такого, чего не хотѣли сразу сказать ся глаза. Я зналъ, что ни говорить, ни отвѣчать ей я не могъ бы такъ, какъ говорилъ и отвѣчалъ бы другимъ. И, не сводя глазъ съ моей

грезы, я принялся описывать ей психологию окружавшей нас толпы. Чувствуя рядом свою воплотившуюся фантазию, я говорилъ съ ней фантастическимъ языкомъ, вслухъ рассказывая тѣ мечты, какія навѣяла на меня топа, подѣ обаяніемъ волшебныхъ глазъ дѣвушки.

— Откуда же это скопище,— повторила она, не сводя съ меня своихъ зачаровывающихъ глазъ.

— Ихъ много и они разные. Они пришли со всѣхъ концовъ свѣта, чтобы восторгать, приводить въ ужасъ, заставлятъ содрагаться, конвульсивно биться, завораживать ваши мечты.

— Завораживать мечты—это красиво—проговорила она, это воплощеніе красиваго.— Но вѣдь они пришли съ разныхъ концовъ и завораживать и отвораживать они тоже, значить, умѣютъ по разному.

— Да. Но они не всѣ красивы— перебилъ я.— И оттого иные, въ трансахъ гнѣва и порока бываютъ божественнѣе божественныхъ. Вотъ потому то здѣсь нѣтъ абсолютной красоты, вы назвали это собраніе „скопищемъ“. Да, оно скопище, потому что красота безотносительна, не подчиняется порядку, количеству, системѣ. Красота сама по себѣ, въ себѣ и питается самой собой. И гдѣ красота, тамъ нѣтъ критики, потому что красота сильнѣе всего, сильнѣе узъ, любви, религіи, генія, законовъ. И гдѣ критика, тамъ нѣтъ „души“ красоты. Красота, какъ воздухъ пространства, заполняетъ собой все. Она самодовлѣюща и единственна...

Онъ говорилъ бы еще долго, долго... Но она, протестующимъ жестомъ маленькой руки прервала его мудреные софизмы.

— По моему, все это не то. То, что вы говорите, можетъ быть и вѣрно, но оно узко, разграниченно и спутанно. Я не люблю такъ. И ищу, и хочу другого рѣшенія. Я хочу знать, почему въ скопищѣ, въ разномъ скопищѣ, я слышу вдругъ пѣніе птицъ или почувствую запахъ цвѣтовъ. Почему въ моей груди широкой волной запоетъ вдругъ пѣснь душа, и унесетъ, унесетъ въ сладкій міръ... мечты. Отчего это бываетъ даже тогда, когда я нахожусь въ „скопищѣ“...

— Это потому, должно быть, продолжала, одушевляясь греза грезъ, это должно быть потому, что въ жизни каждаго человѣка бываетъ своя Иванова ночь, когда расцвѣтаетъ таинственный цвѣтокъ. Бываютъ такіе вотъ Ивановы огни, которые все укажутъ и все расска-

жутъ, все, что въ васъ и во мнѣ, и въ этомъ, вотъ, скопищѣ. И тогда-то, невидимо, слетаетъ откуда-то такая громадная красота, такая большая, какъ самыя большія горы. И вотъ отъ этой красоты, какъ отъ чудесъ Ивановыхъ огней, огнями волшебной сказки зажигаются глаза, холодѣютъ руки, дрожить и бьется въ груди. стукомъ стучить во всемъ тѣлѣ. И кажется тогда, что это однѣ бываютъ такія минуты, а другихъ такихъ нѣтъ и не будетъ. И въ этомъ вотъ красота, и такую красоту я хочу и ищу. Дайте же мнѣ этой красоты, молю, заклинаю васъ. Моя душа холодна. Накормите ее... И полные мольбы, взглянули на меня невыразимо прелестные глаза „грезы“.

А кругомъ гудѣла толпа. Звуки томительно-сладостнаго вальса уносили и ее, эту пошлую толпу. Она свѣтлѣла, хорошѣла какъ-то отъ звуковъ... звуковъ, должно быть, собственной души.

А греза ждала, и не сводила съ меня своихъ загадочныхъ, бездонныхъ глазъ.

И вдругъ мнѣ стало жутко. Опьяненіе, общее стихійное опьяненіе толпы музыкой и колдовскимъ женскимъ очарованіемъ—охватило и меня. Я хотѣлъ сказать что-то... но греза была такъ прелестна...

Не помня, что дѣлаю, я схватилъ тонкую, изящную кисть и въ невыразимомъ блаженствѣ прижалъ ее къ своимъ горячимъ губамъ. Въ это время слабый стонъ пронесся около меня. Я вздрогнулъ... грезы со мной ужъ не было... и не то шорохъ, не то

шопотъ донесся до меня: „Вы нищій, нищій красоты. Зачѣмъ вы завораживали... Вы скопище, само скопище, сами“...

Я не слышалъ уже больше. Жгучая боль стыда, какъ острия иглы, пронзила нервы, душу: все мое существо. И тутъ, въ одинъ мигъ, случилось что-то странное. Я прозрѣлъ и понялъ многое, и душа моя раскрылась и съ ужасомъ взглянула на все, настоящее и прошлое, и я увидалъ, могъ увидѣть будущее. И содрогнулся, и позналъ, и безумно захотѣлъ своей грезы.

И, коченѣя отъ ожиданія и умиленія, съ горячей головой и экстазомъ, дикимъ, безумнымъ экстазомъ души—я протянулъ въ пространство руки...

Легкая, красивая, какъ мечта, сходила ко мнѣ моя греза, греза моей души. И серебристый шопотъ, который и сейчасъ еще стоитъ въ моихъ ушахъ, нѣжно, нѣжно прозвучалъ мнѣ: „Я твоя, мой поэтъ, потому что греза не уходитъ отъ грезъ. Будь „красивымъ“... я не уйду отъ тебя“.

Мнѣ хотѣлось плакать и кричать отъ восторга и счастья, и той „красоты“, которою меня наполнила (и о которой съ такимъ огнемъ вѣщала) моя воплотившаяся богиня. И я снова протянулъ ей руки, какъ голодный за подаяньемъ.

Царственная и прекрасная не приближалась ко мнѣ, и... но въ этотъ моментъ... я проснулся...

А. Дружинина-Гарди.

ВЕСЕННЕЕ.

Сказки волшебныя, сказки весны;
Милыя, чудныя, чистыя.
Грезятся, снятся волшебные сны—
Глазки небесно-лучистыя.

* * *

Глазки лучистыя милой моей.
Звѣздочки въ небѣ горячія.
Тишь голубая весеннихъ ночей.
Пѣсни къ свободѣ манящія.

* * *

Чуткость души и безгрѣшность молитвъ,
Радость, тоска, ожиданіе.
Жажда грядущихъ сраженій и битвъ.
Жажда любви и страданія,

* * *

Молодость свѣтлая сказка весны.
Солнце, огни незакатныя.
Грезы кристалльныя, чуткіе сны.
Счастья цвѣты ароматныя.

Еф. Бахарева.

НА ПОКОЪ.

Этюдъ.

Д. Шапиро.

Вмѣстѣ имъ было полтора ста лѣтъ. Ей—80. Ему—70.

Какъ болѣе молодой, онъ завѣдывалъ комнатами квартирантовъ; она—была лишь на посылкахъ.

Утромъ она плетется, согнувшись подъ прямымъ угломъ, въ лавочку. Путь отъ лавочки къ кухнѣ продолжается у нея часъ. Иванъ Ивановичъ выходитъ изъ себя.

— ...Гдѣ она тамъ пропадаетъ? Квартиранты уже ждутъ.

Наконецъ, кряхтя вползаетъ старушка.

— Ну, старая! Пойдешь на минуту и пропадешь на годъ.

Печешь тамъ булки, что ли, ворчитъ онъ и опять съ наслажденіемъ подчеркиваетъ: «старая»! Онъ хочетъ показать, что самъ еще молодецъ.

Она оправдывается:—Публики много, и случилась такая исторія.

И выкладываетъ мелкія лавочныя новости... Старикъ увлекается, спохватился.

— Ахъ, Господи! Вѣдь, что я. Всегда, старая, укоризненно шепчетъ она.

Утро—это самое бурное и интересное время. Надо прибрать, напоить четырехъ студентовъ...

Иванъ Ивановичъ на высотѣ своего величія. Командуетъ надъ старухой, кипятится.

— Живо! Развѣ не слышишь, что Алексѣй Ивановичъ встали! Неси воды ему.. Да оглохла-ты, что ли... Говорять тебѣ, Федоръ Петровичъ еще кипятку просятъ.

И всюду онъ поспѣваетъ своимъ наблюдательнымъ окомъ—и къ Алексѣю Ивановичу и къ Федору Петровичу.

Въ торжественномъ шествіи они идутъ къ Алексѣю Ивановичу, онъ тащитъ кувшинъ. Старуха несетъ за нимъ миску.

— Эхъ, старая! Совсѣмъ выжила изъ ума, обращается онъ въ сторону Алексѣя Ивановича.

— Не видитъ, куда ставить! Эхъ, еловая твоя голова. Сюда ставь, говорятъ тебѣ, сюда.

Старушка теряется. Руки у нея трясутся. И она ставитъ, какъ разъ не туда. Тогда Иванъ Ивановичъ самъ вмѣшивается въ это дѣло. Повелительно отстраняетъ Алексѣя Ивановича и самолично переставляетъ миску.

Къ досадѣ Алексѣя Ивановича онъ садится на стулъ и заводитъ дѣловой разговоръ... Всѣ его дѣловыя бесѣды непремѣнно заканчиваются туркомъ.

Потомъ встаетъ, идетъ къ Федору Петровичу. Заботливо сметаетъ пыль съ его новаго пиджака, замѣчаетъ прорѣху въ брюкахъ. Несмотря на всѣ протесты Федора Петровича, уноситъ брюки на кухню.

Идетъ къ Семену Михайловичу. Нѣсколько дней уже не была у него невеста. Это старика озабачиваетъ. Окольными путями нащупываетъ Семена Михайловича—не произошло ли чего между ними.

Ворча, озабоченно идетъ онъ на кухню. Сообщаетъ старухѣ, что Семенъ Михайловичъ что-то помалкиваетъ насчетъ Анны Петровны.

— ...Не хорошо... не хорошо... Господи Исусе! бормочетъ.

Еще одного не посѣтилъ—Михаила Степановича, онъ на него сердитъ и идетъ послѣ всѣхъ. Идетъ твердой поступью съ суровымъ взглядомъ. Уже 3 дня Михаилъ Степановичъ возвращается на разсвѣтъ.

Увѣщеванія онъ начинаетъ издалека. Сперва пытается пронять шутками.

— Не дамъ вамъ сегодня чаю въ наказаніе... гдѣ это вы шатаетесь по ночамъ? говоритъ онъ добродушно, укоризненно.

Не беретъ. Михалъ Степановичъ равнодушно посвистываетъ—

Иванъ Ивановичъ перемѣняетъ тактику.

— Эхъ, испортились нонѣшніе молодые люди, начинаетъ онъ элегическимъ тономъ.

И это не дѣйствуетъ. Михаилъ Степановичъ беретъ книгу и погружается въ нее, какъ будто не существуетъ въ комнатѣ Ивана Ивановича.

Иванъ Ивановичъ оскорбленъ. Надо дѣйствовать прямо. Укоризненно грозитъ пальцемъ:

— Нехорошо, Михаилъ Степановичъ, нехорошо, для здоровья вредно. Что родители скажутъ... нехорошо. Серdito уходитъ на кухню, бормоча:

— Дѣла твои, Господи!

Сокрушенно сообщаетъ своей неизмѣнной собесѣдницѣ, что Михаилъ Степановичъ совсѣмъ отпѣтый человѣкъ. И вдвоемъ они вздыхаютъ огорченно надъ судьбой Михаила Степановича.

— А родители небось ждутъ, дребезжить старуха.

— Да, дѣти нонѣшніе... Намедни писали ему—просили хучь извѣстіе дать о здоровьѣ.

— Алексѣй Ивановичъ не такіе, говоритъ лстиво старуха. Она знаетъ, что эта похвала доставитъ удовольствіе Ивану Ивановичу, Алексѣй Ивановичъ его любимецъ. Звонокъ.

И старикъ, и старуха со всѣхъ ногъ бросаются къ двери.

Почтальонъ. Это громадное событіе. Изовсѣхъ дверей высовываются головы.

Старики бѣгутъ въ перегонку. Каждый хочетъ передать радость. Старикъ завладѣваетъ письмами. Съ высокомерной снисходительностью бросаетъ во сторону сопер-

ницы: „Чего лѣзешь... старая!“ Торжественно уноситъ письма на кухню.

— Иванъ Ивановичъ! несется со всѣхъ сторонъ: мнѣ есть? мнѣ есть?

— Погодите, ребята, дѣловито онъ замѣчаетъ, идетъ на кухню, одѣваетъ очки и сортируетъ письма.

Всѣ въ томительномъ ожиданіи. Старикъ священнодѣйствуетъ. Открытки просматриваетъ своей высшей цензурой.

Идетъ медленно и важно. Судьбы всѣхъ въ его рукахъ. Онъ это чувствуетъ. И всѣ чувствуютъ.

— Вамъ, Алексѣй Ивановичъ, „есть“, равнодушно онъ говоритъ.

— А мнѣ? мнѣ?

Не отвѣчаетъ. Какъ будто не слышитъ:

— Подожди, молъ, своей очереди.

Старику надо поморить Алексѣя Ивановича. Беретъ письмо, протягиваетъ. Тотъ жадно хватается.

— Ахъ, нѣтъ—ошибся... Копаются въ письмахъ. Наконецъ, съ какимъ-то сожалѣніемъ разстается съ своей призрачной властью.

Всѣ ушли въ университетъ.

Иванъ Ивановичъ ложится, встаетъ. Идетъ въ комнаты.

Все кажется... стеръ крошки... рассмотрѣлъ книги... пощупалъ переплеты... Аккуратно положилъ на старое мѣсто.

Звонокъ. Повѣстка Алексѣю Ивановичу ждетъ его прихода. Подѣлился онъ со старухой.

Желаетъ обрадовать. Готовитъ планъ поразить сюрпризомъ, придумалъ. Улыбается..

— Звонокъ. Это звонокъ Петра Федоровича.

— Звонокъ. Это звонокъ Семена Михайловича.

— Куда это запропастился Алексѣй Ивановичъ. Всегда приходитъ въ 3 часа. Не случилось ли чего? Дѣлится тревогой со старухой.

Наконецъ звонокъ. Иванъ Ивановичъ отворяетъ. Загадочно улыбается, но старуха не выдерживаетъ.

— А вамъ повѣстка, Алексѣй Ивановичъ, обрадованно дребезжить старуха. Иванъ Ивановичъ разозленъ...

— Выдала, проклятая! Выростетъ, гдѣ не посѣяли... Старая! Озлобленно онъ шепчетъ. Ужъ очень ему обидно.

Старушка съежилась, какъ дворняжка.

Вечеръ. Всѣ уходятъ. Дѣловито отбираетъ старикъ отчеты, кто куда идетъ. Чтобъ не перепутать—кое-что записываетъ. Звонокъ. Спрашиваютъ Алексѣй Ивановича.

Идетъ на кухню. Возвращается, даетъ необходимыя свѣдѣнія.

Звонокъ. Къ Федору Петровичу.

Звонокъ. Къ Михаилу Степановичу.

Старикъ сконфуженъ. Не знаетъ ни часа возвращенія, ни мѣста.

— Дѣла твои, Господи! Укоризненно шепчетъ кому-то.

Покровитель.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Мой голосъ для тебя и ласковый и томный.

Мой голосъ для тебя...

Глухія рыданія не дали окончить строки романа. Оборванный аккордъ и, нечаянно рѣзкимъ диссонансомъ раздавшаяся отъ упавшихъ на клавиши рукъ, нота тихо замирала въ уютной грязной комнатѣ 7-го этажа. Сумерки зимняго петербургскаго дня не освѣщали, а наполняли скорѣе комнату какимъ-то грязно-сѣрымъ свѣтомъ, затушевывая углы и убогую мебель. Какимъ то сѣрымъ комомъ выглядывала и фигура плачущей у піанино женщины и ея тихія, сдерживаемыя всхлипыванія, какъ нельзя больше, гармонировали общему, сѣрому тону картины.

— Онъ не придетъ и сегодня!.. Онъ не придетъ и сегодня!..—шептала женщина, все больше и больше наклоняясь къ піанино, какъ бы въ немъ ища сочувствія и поддержки. „Я буду у васъ во вторникъ“—проносились въ ея головѣ слова, сказанныя имъ при прощаніи въ послѣднее свиданіе. „Сегодня уже пятница—его нѣтъ. Что это значитъ? Что это значитъ?“—въ сотый разъ задавала себѣ вопросъ она и онъ сверлилъ ей мозгъ, какъ острый буравъ, но отвѣта не находилось. Тысяча предположеній являлись одно за другимъ, какъ въ калейдоскопѣ, но они казались ей одно другого нелѣпѣй. Предъ ней выросла стѣна невѣдѣнія, стѣна непроницаемая и потому страшная, давящая. Она глубоко вздохнула, до боли хрустнула, заломивъ руки пальцами и, отыскавъ въ потьмахъ спички, зажгла лампу. Огонь нехотя охватилъ неряшливо заправленный фитиль и, обдавши слегка копотью стекло, тускло освѣтилъ комнату.

Висящее надъ піанино зеркало отразило въ себѣ стройную, немного полную фигуру хозяйки, ея молодое красивое лицо съ заплаканными сѣрыми глазами и роскошные золотистые волосы, которые волной облегли ея головку. Волосы были ея гордость. Золотистые, спускавшіеся почти до колѣнъ, они, собранные въ прическу, обрамляли ея лицо какимъ то ореоломъ лучей; распущенные, они дѣлали ее похожей на Ундину, хотя она чаще сравнивала себя съ Напа. Иногда, нарочно сдѣлавши безпорядочную прическу, она выходила гулять для того, чтобы съ чисто женской не то наивностью, не то задорностью показать людямъ, что это настоящіе, а не отъ Paul'я или Georg'a.

Освѣтила лампа и отразило въ себѣ зеркало и другую гордость хозяйки, которую она громко называла своей слабостью—стоящую противъ піанино этажерку съ нотами для пѣнія. Чего, чего здѣсь не было. Это былъ хаосъ нотъ. Какая то пустыня, въ которой могъ бы заблудиться всякій, кромѣ знатока музыки, сразу нашедшаго бы путь къ такому выводу: „Обладатель всего этого—диллетантъ, но фанатикъ пѣнія, до психоза влюбленный въ эту область искусства, поддержите этого фанатика и онъ станетъ жрецомъ великимъ“. На этой этажеркѣ было все, что стоитъ и не стоитъ пѣть. Рядомъ съ аріей Маргариты приютилась модная шансонетка Fanchinoise, рядомъ съ романсами Денца и Рубинштейна, лубочное изданіе „Тройки“ и цѣлая кипа разухабистыхъ цыганскихъ романсовъ. Серьезная „школа пѣнія“ извѣстнаго профессора покрыла цѣлую связку тощихъ „уроковъ пѣнія“ и „методовъ преподаванія“.—„Эта моя слабость“—заявляла хозяйка комнаты, но въ тонѣ голоса, которымъ произносилась

эта фраза, чувствовалось, что эта „слабость“ для нея еще большая гордость, чѣмъ ея волосы.

— Онъ не придетъ сегодня,—еще разъ повторила обладательница роскошныхъ волосъ и безпорядочной этажерки, нажимая кнопку звонка: Онъ не придетъ!.. Что съ нимъ? Что онъ сейчасъ дѣлаетъ? Боже мой, какъ я его мало знаю, какъ я его мало знаю!..—и она готова была снова разрыдаться, но въ это время раздался стукъ въ дверь и вошла на звонокъ горничная.

— Груша, я гулять пойду. Если кто будетъ спрашивать,—скажите, что черезъ часъ я буду дома,—обратилась она къ ней.

— Хорошо, барышня—отвѣтила Груша, съ недоумѣніемъ глядя на заплаканные глаза „пѣвицы“.

Морозный воздухъ сразу охватилъ фигурку блондинки, когда она, спустившись съ лѣстницы, вышла на улицу. Поднявши повыше воротникъ своей довольно легкой шубенки и закрывши лицо муфтой, она быстрыми шагами перешла улицу и пошла по узкому тротуару набережной Екатерининскаго канала къ Вознесенскому проспекту. Она не любила ходить по тротуару возлѣ домовъ—тамъ ей казалось тѣсно отъ громаднхъ зданій, здѣсь же на набережной она чувствовала себя ближе къ природѣ. Кромѣ того видъ каждой набережной невольно рисовалъ въ ея артистическомъ воображеніи всевозможныя картины въ родѣ эпизодъ на Зимней канавкѣ въ „Пиковой дамѣ“, Чайковскаго.

Не успѣла она пройти кварталъ, какъ вдругъ возлѣ нея раздался пріятный грудной баритонъ:

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЫДЕННОЕ.

Очеркъ.

Надя съ сердцемъ швырнула на полъ только что прочитанную книгу,— и, устроившись поудобнѣе на продавленномъ диванчикѣ, задумалась.

Жизнь выведенныхъ лицъ такъ близко подходила къ ея собственной, что у ней въ памяти невольно возстановлялись картины съ ней случившагося и настоящаго.

Шестнадцатилѣтнею гимназисткою Надя на одномъ изъ общественныхъ баловъ случайно, какъ по большей части и все бываетъ въ жизни, познакомилась съ „нимъ“. Для нея „онъ“ былъ человѣкъ, на котораго указало ея нетронутое неопытное сердце, и ей ровно никакого не было дѣла до того, что представлялъ изъ себя ея новый знакомый.

Зная жизнь съ одной только хорошей стороны, она и людей считала всѣхъ одинаково хорошими.

Результатъ романа былъ самый обыкновенный. Надя почувствовала себя матерью, а „онъ“ безслѣдно исчезъ. Когда скрывать свое положеніе было нельзя, она вся въ слезахъ, съ истерическими рыданіями открылась матери. Мать, женщина старой складки, на жизненную ошибку дочери посмотрѣла, какъ на нѣчто позорящее всю семью.

— Ты намъ больше не дочь, были послѣднія слова ея родителей и двери родного дома закрылись для нея навсегда.

Надя въ первый разъ въ своей жизни остро почувствовала, что она „одна“...

Безсознательно брела она по улицамъ, проходя переулкомъ за переулкомъ.

За ней долго слѣдовалъ какой-то незнакомецъ и наконецъ подойдя къ ней сказалъ:

— Я знаю васъ, знаю вашу семью и вашу печальную повѣсть.

Сочувствую вамъ, и—предлагаю хотя-бы временно—у меня пріютъ:

Выхода не было, да и не все-ли Надѣ было уже равно.

Съ этимъ-же господиномъ ее видѣли потомъ вдвоемъ.

Первый смѣнился другимъ...

Катясь по наклонной, она наконецъ была зарегистрирована врачомъ - полицейскимъ комитетомъ.

И вотъ теперъ, измученная, надломанная съ дряблымъ, подмалеваннымъ лицомъ и обвислыми формами, она была непріятна и жалка.

Только грустные темно-каріе глаза были очень хороши;—они какъ-бы говорили:

— Я не жила, я страдала, я глубоко несчастна, хотя имѣю на счастье, какъ вообще человѣкъ, такое же право, какъ и другіе.

Впечатлительная отъ природы съ надорванными нервами и забитая жизнью, она нашла, что такъ продолжать жить она не можетъ, да и жить-то вообще, казалось, не хотѣлось...

— Я одна, заговорила она какимъ-то сдавленнымъ шопотомъ... Я никому не нужна... Какъ хорошо, что умеръ мой мальчикъ.

Но вѣдь есть-же какой нибудь исходъ?!

— „Самоубійство“, рѣшила она и даже улыбнулась какою-то нехорошею улыбкою.

— Судьба, пробормотала она, вспомнивъ, что какой-то гость забылъ у ней револьверъ.

Быстро поднялась она съ дивана, подошла къ комоду и вынула оттуда маленькій изящный револьверъ.

Надя осторожно взяла его въ правую руку, почему-то сдула съ блестящей стали пылинки и нервно приложила дуло къ виску.

Легкій холодокъ металла заставилъ ее слегка вздрогнуть...

— Боже, шептали ея уста, умереть въ двадцать лѣтъ, не бывъ хотя-бы на минуту счастливой... умереть никѣмъ не любимой... умереть, зная что вся твоя кровь отравлена... какъ не человѣчески жестоко!..

А указательный палецъ какъ-то самъ собою постепенно давилъ курокъ...

— Да, вѣдь живутъ-же сотни тысячъ мнѣ подобныхъ! мелкнула, какъ зарница у ней мысль, живутъ-же... повторила она.

Злобно швырнула Надя машинку въ уголъ, гдѣ былъ ворохъ грязного бѣлья, приготовленнаго прачкѣ и характернымъ хриплосиплымъ голосомъ крикнула:

— Стеклорѣзь! дай пару пива.

Здоровенный мужичина принесъ на небольшомъ жестяномъ съ разводами подносѣ двѣ бутылки пива и захватанный руками стаканъ.

Поставивъ принесенное, онъ грубо проговорилъ:

— Барышня, Мишка-Руль дожидается подъ воротами, и вышелъ изъ комнаты.

Надя накинула платокъ и вышла за нимъ.

Владимиръ Блохинъ.

А солнце весеннее такъ ярко сіяетъ...

Этюдъ.

Весна...

Солнце ярко бьетъ своими лучами.

Кому она не служитъ лучшимъ цѣлебнымъ бальзамомъ, чью душу она не согрѣваетъ.

Измученная, угнетенная—и та пробуждается; побѣжденная—она чувствуетъ себя смѣлой и полной силъ.

Надежды, гордыя мечты, сладкія грезы пробуждаются.

Весна...

Въ этомъ словѣ сила мощи человѣка, титана земли.

Весеннее солнце ярко свѣтитъ, и его золотистые лучи достигаютъ темныхъ уголковъ маленькой нѣсколько уродливой комнаты послѣдняго этажа высокаго, высокаго дома.

Онъ—владѣлецъ ея—мраченъ. Его душа изнываетъ одиночествомъ. Стѣны, только онѣ однѣ, слушаютъ его, внимаютъ проклятіямъ міру, несущимся изъ его устъ и молчатъ.

Онъ одинокъ, но гордъ.

Онъ не пойдетъ просить у людей, у міра друзей—онъ не пойдетъ къ людямъ; пусть его душа изнываетъ и рыдаетъ о своемъ одиночествѣ, пусть молить она его, но напрасно!

Онъ не пойдетъ къ людямъ.

Онъ попрежнему будетъ гордъ.

А солнце, весеннее солнце, такъ ярко свѣтитъ.

Такъ радостно на улицѣ...

И его душа, душа одинокаго гордаго человѣка возрадовалась весенней радостью.

Счастья, людей она проситъ, но онъ гордъ.

Пусть тамъ на улицѣ будетъ радость царить, пусть тамъ веселье и дружба находятъ пріютъ, онъ не пойдетъ къ людямъ, онъ не вѣритъ людямъ. Онъ гордымъ останется и гордымъ умретъ.

Люди жалки, презрѣнны, люди—рабы.

У него нѣтъ друзей, у него нѣтъ никого—онъ одинокъ!

А солнце весеннее такъ ярко свѣтитъ.

Дверь откроется и войдетъ, ему кажется, его мечта, та, по которой онъ тосковалъ весь вѣкъ свой, та, въ которую онъ вѣрилъ и такъ тщетно надѣялся ея приходу.

Войдетъ она въ его комнату, озаритъ своимъ свѣтомъ, солнечнымъ свѣтомъ, радостнымъ блескомъ его убогое жилище, наклонится къ нему, обниметъ его.

Ея золотистыя кудри будутъ щекотать его щеку.

Пріятная дрожь пробѣжитъ по его тѣлу.

Онъ вздрогнетъ. Радость засіяетъ въ его очахъ.

Онъ счастливъ. Онъ не одинъ. Его мечта съ нимъ.

Міръ прекрасенъ; онъ далъ ему все, что онъ хотѣлъ, ожидалъ.

Она—мечта—прижметъ къ нему, и онъ улетитъ съ ней далеко, далеко. Она—мечта только его одного, она ни къ кому не пойдетъ.

Они вмѣстѣ улетятъ.

Но дверь не откроется. Она не придеть. Онъ одинокъ.

Она не придеть.

А солнце, солнце весеннее такъ ярко сіяетъ и блещетъ яркимъ свѣтомъ.

— Идемъ, идемъ внизъ, будемъ жить ихъ жизнью, я хочу веселья, радости—молить его душа.

— Нѣтъ, не пойдетъ онъ: тамъ люди—звѣри; убиваютъ другъ друга, тамъ одинъ владыка, прочіе рабы, рабы покорные, трусливые, тамъ рѣками кровь, красная человѣческая кровь льется, тамъ безобразная смерть.

Онъ одинокъ, но онъ счастливъ своимъ одиночествомъ.

Онъ выше ихъ.

Онъ и рабъ, и господинъ, онъ властитель міровъ, гордый завоеватель и жалкій лакей.

Онъ—гордый свободный человѣкъ.

А солнце весеннее такъ ярко сіяетъ и блещетъ яркимъ свѣтомъ. **А. Мирновичъ.**

ИСКАНИЕ ПРАВДЫ.

(Записки театрального критика).

I.

Это было почти десять лѣтъ тому назадъ,—именно 31 мая 1898 г. Впрочемъ, время здѣсь не играетъ роли. Скажу только, что тогда я былъ молодъ,—молодъ той молодостью, которая способна до безумія увлекаться всѣмъ, что отвѣчаетъ хоть сколько-нибудь исканію правды и красоты. Я любилъ все: и науку, и природу, и искусство, то самое искусство, которому впоследствии я старался служить вѣрой и правдой, хотя это мнѣ, быть можетъ, и не всегда удавалось. Не знаю почему, но чуть-ли не съ дѣтства я особенно пристрастился къ театру. Съ годами эта страсть все возрастала. Въ этомъ обожаніи театра было что-то безотчетное, не поддающееся никакому анализу. Я обожалъ театръ, и все, что имѣло къ нему какое-либо отношеніе; я благоговѣлъ передъ тѣми, кто служилъ театру. Актеровъ я считалъ «избранными мужами разума», а актрисъ—идеальными женщинами, съ чертами героинь извѣстныхъ мнѣ романовъ.

Думалъ-ли я о карьерѣ рецензента?.. Нѣтъ, никогда не думалъ. Вотъ, ужъ именно дѣло, которое меня ничуть не привлекало. Я сейчасъ припоминаю свои мысли и чувства, и откровенно сознаюсь, что мы—учающаяся молодежь—довольно пренебрежительно относились къ рецензіямъ газетъ. Не то, чтобъ мы имъ не вѣрили,—мы еще не извѣрились въ печатномъ словѣ,—а просто онѣ не удовлетворяли насъ. Мы судили и рядили о пьесахъ, объ исполненіи съ той непосредственностью, на которую способна толпа, и при томъ толпа, состоящая преимущественно изъ увлекающихся до чрезмерности юношей. Наши мнѣнія поэтому сплошь и рядомъ расходились съ мнѣніемъ рецензентовъ, даже наиболѣе добросовѣстныхъ и, быть можетъ, именно наиболѣе понимающихъ. Намъ нравилось сплошь и рядомъ какъ разъ то, что рецензенты бранили. Бывало и наоборотъ, хотя мы больше склонны были хвалить, чѣмъ порицать. Неодобрительныя рецензіи большею частью

только озлобляли насъ противъ самихъ же рецензентовъ.

О, разрушители кумировъ, какъ мы ненавидѣли васъ!

Впрочемъ, я думаю, что и большинство театральныхъ критиковъ, которые были и есть, не станутъ утверждать, что они чувствовали призваніе къ театральной критикѣ, когда впервые выступили на литературное поприще. Я сейчасъ въ умѣ перебираю всѣхъ нашихъ сколько-нибудь извѣстныхъ критиковъ, и ни про одного изъ нихъ не могу сказать, что началъ онъ свою дѣятельность исключительно театральными рецензіями и что этотъ родъ литературы былъ всю жизнь его главнымъ занятіемъ. Даже Ап. Григорьевъ столько же писалъ по общимъ вопросамъ литературы, если не больше, сколько о театрѣ и драматическихъ произведеніяхъ. О Висс. Бѣлинскомъ и говорить нечего. Наши современники, пишущіе о театрѣ,—назову хотя бы П. Д. Боборыкина, А. С. Суворина и др.—были литераторами и журналистами въ широкомъ значеніи этого слова, и только досуги удѣляли театральной критикѣ. Это было ихъ, такъ сказать, приватное занятіе. Театральная критика, какъ самостоятельная отрасль критики, только зарождается у насъ. Что у этой критики большое будущее,—это несомнѣнно, но неопровержимо также и то, что у театральной критики—микроскопическое прошлое. Правда, въ газетахъ и журналахъ и въ прежніе годы ей отводилось много мѣста, но это не была критика въ серьезномъ значеніи этого слова. Театральный критикъ цѣнился немного выше обыкновеннаго репортера и немного ниже бойкаго фельетониста.

Впрочемъ, я толкую только о томъ, что было, а не о томъ, что будетъ, и даже не о томъ, что есть, ибо въ послѣдніе годы, вмѣстѣ съ развитіемъ болѣе серьезнаго отношенія къ театру, развивается помаленьку и серьезная театральная критика, которая займетъ въ литературѣ столь почетное мѣсто, какъ и критика литературная. Я глубоко вѣрю, что такъ будетъ, и будетъ скоро, и мы еще доживемъ до этихъ дней...

II.

О рецензентствѣ, какъ я сказалъ, я никогда не думалъ и сдѣлался театральнымъ рецензентомъ совершенно случайно. Какъ и во многомъ другомъ, какъ почти во всемъ, и здѣсь: *cherchez la femme*. Благодаря женщинѣ, я сталъ рецензентомъ. Я живо помню это время. Мнѣ, какъ студенту, пришлось давать урокъ въ одной изъ большихъ дачныхъ мѣстностей. Тамъ былъ театръ, и весьма приличный для лѣтняго, къ постояннымъ посѣтителемъ котораго, конечно, принадлежалъ и я. Еще въ самомъ началѣ сезона я перезнакомился со всей труппой, въ томъ числѣ съ одной молоденькой и хорошенькой артисткой, нынѣ занимающей въ провинціи видное положеніе и получающей чуть-ли не 700 рублей, а тогда только начинавшей театральную карьеру. Случилась обычная исторія: она была обаятельна, а у меня уже росли усы. Стало быть, я былъ влюбленъ. Разъ влюбленъ въ хорошенькую актрису, то до признанія ея гениальной актрисой—всего лишь одинъ шагъ. И я незамѣтно сдѣлалъ этотъ шагъ: меня искренно возмущали рецензіи объ этомъ театрѣ. «Такая» актриса, и вдругъ ее замалчиваютъ! Вскорѣ я замѣтилъ, что въ одномъ изъ театральныхъ изданій не появлялось рецензій о театрѣ, въ которомъ служила великая, но не признанная актриса. У меня мелькнула мысль самому написать рецензію и отправить ее въ это изданіе. Сказано—сдѣлано: я отправилъ свой первый опытъ, и вдругъ—о, счастье!—рецензія появилась, хотя, конечно, восхваленія по адресу моей любви были значительно урѣзаны. За первой рецензіей послѣдовала вторая, за второй—третья и т. д. Мало-по-малу это дѣло начало меня увлекать само по себѣ, независимо отъ всякихъ постороннихъ побужденій. Редакторъ театрального изданія, повидимому, обратилъ вниманіе на мои писанія, потому что въ одинъ прекрасный день онъ пригласилъ меня въ редакцію, сказалъ мнѣ, что у меня «что-то есть», и я уже сталъ работать, какъ постоянный сотрудникъ и за небольшой гонораръ.

Работалъ я и добросовѣстно, и много. Прежде всего я перерылъ въ публичной библиотекѣ всѣ старые журналы и газеты за десятки лѣтъ и проштудировалъ всѣ рецензіи старыхъ и молодыхъ театральныхъ критиковъ. Особой пользы эта работа не принесла, но все же я усвоилъ извѣстную манеру писанія рецензій и ознакомился съ исторіей русскаго театра послѣднихъ лѣтъ. Для начала и этого было достаточно. Но только для начала, ибо пока я писалъ отзывы о второстепенныхъ и третъестепенныхъ театрахъ — дѣло шло гладко: я пописывалъ, редакторъ похваливалъ. Но когда на мою долю выпала честь писать критическіе разборы о новыхъ пьесахъ и объ исполненіи въ большихъ театрахъ, мнѣ пришлось встрѣтиться съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ и затрудненій, а за ними—и сомнѣній. Какъ сейчасъ помню то тягостное чувство и то уныніе, которыя охватили меня послѣ первой ошибки съ моей стороны. Дѣло было такъ: въ одномъ театрѣ дебютировала въ салонной пьесѣ провинціальная знаменитость. Критики были въ восторгѣ отъ исполненія артистки, но лично мнѣ артистка почему-то не понравилась, и я высказалъ предположеніе, что ей болѣе по плечу бытовья роли. Черезъ недѣлю та же артистка играла бытовую роль, и это былъ позорный спектакль. Я съ своимъ «особымъ мнѣніемъ» жестоко провалился. И что самое тягостное: меня мучило не столько униженіе, сколько сознание своей беспомощности. Вѣдь я писалъ искренно, т. е. то, что чувствовалъ. Разъ это невѣрно, то, значитъ, я ничего не понимаю, а разъ не понимаю, то зачѣмъ же занимаюсь дѣломъ, къ которому у меня нѣтъ никакого призванія?

Этотъ и подобные вопросы меня долго и упорно мучили. Но нѣсколько лѣтъ спустя я рѣшилъ, что какъ въ рассказанномъ, такъ и въ аналогичныхъ случаяхъ, я долженъ былъ написать, какъ написалъ. Существуетъ юридическое изреченіе: лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ осудить одного невиннаго. Театральному критику слѣдовало бы это изреченіе вывернуть наизнанку: лучше выбрать десять талантливыхъ, чѣмъ расхвалить одного бездарнаго, ибо раздутая бездарность оцѣнѣ всего, внося въ искусство гибельное разложеніе. Талантливому же актеру ничего не сдѣлаешь: талантъ все равно себя въ концѣ концовъ покажетъ.

Но къ этому сознанию я пришелъ гораздо позднѣе. Въ то время, когда въ головѣ моей возникали эти вопросы,—я только чувствовалъ, что я шатаюсь и что я не смѣю сужденія свои основывать на субъективномъ впечатлѣніи. Сначала нужно отыскать основанія и мотивы, а потомъ уже сдѣлать заключенія—вотъ что я ясно сознавалъ. И я принялся за работу со рвеніемъ, которое подогрѣвалось сознаніемъ, что я ищу *приводу*.

Вл. Линскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мысли объ одномъ „инородческомъ“ театрѣ.

Хочу предупредить читателя, что настоящая моя статья не носитъ характера критики или обзора современнаго положенія театрального искусства у евреевъ. Этого искусства у нихъ нѣтъ. Оно лишь зарождается, къ чему однажды уже замѣчалось стремленіе со стороны передовой части еврейства, но оно вскорѣ заглохло. Задача настоящей статьи болѣе обширная. Отрасль мірового сценическаго искусства расширяетъ свои горизонты съ удивительной быстротой. На мой взглядъ исторія театра въ недалекомъ будущемъ займетъ въ области развитія просвѣщенія массы такое же мѣсто, какъ исторія философіи, исторія изящной словесности и т. д.

И на обязанности людей, посвятившихъ себя театру обогащать сокровищницу его исторіи тѣми знаніями и свѣдѣніями, которыя дали имъ: во-первыхъ теоретическое изученіе исторіи и жизни народовъ, и, во-вторыхъ—практика, личныя житейскія наблюденія и изученіе нравовъ, быта и психологіи націи, среди которой они выросли или жили долгое время. Лишь такой, если можно выразиться, подготовительный матеріалъ, дастъ возможность будущему историку театра образцово выполнить свою задачу.

Такимъ образомъ, я считаю небезполезнымъ, если на основаніи знанія быта и общаго уклада еврейской жизни, равно знакомства съ его исторіей, я выскажу нѣкоторыя мысли по поводу сценическаго искусства у этого народа вообще, и его современнаго положенія въ частности. Статья эта является, между прочимъ, какъ бы продолженіемъ одной статьи моей по этому же вопросу, напечатанной въ № 15 «Театръ и Искусство» за 1907 годъ.

Кто знакомъ съ еврействомъ, его исторіей и религіей, тому не можетъ не броситься въ глаза тотъ фактъ, что по пути древней культуры—которую за нимъ всѣ народы безусловно признаютъ—онъ шель какимъ-то страннымъ, одинокимъ путемъ. Въ его древней культурѣ, нѣтъ ни одной точки соприкосновенія съ культурами другихъ народовъ. Эта рѣзкая грань, положенная въ основу особаго міросозерцанія еврейскаго народа, ведетъ, конечно, свое начало со времени его окончательной потери своей политической независимости, т. е. со времени паденія второго храма. Отсюда уже начинается тотъ рѣзкій поворотъ въ сторону, то углубленіе во внутрь своего духовнаго «я», которое до нашихъ дней носитъ пресловутое названіе «еврейской обособленности». Тутъ мы видимъ, на примѣръ, такія явленія: Тогда какъ почти всѣ народы подпали подъ вліяніе могущественнѣйшаго эллинизма съ его характернѣйшими проявленіями духовнаго прогресса, евреи не только остались равнодушными, но они не преминули всячески подчеркивать свое полное къ нему презрѣніе. Эллинизмъ, какъ своимъ общимъ укладомъ государственной

и общественной жизни, такъ и прославленнымъ культомъ пластическихъ искусствъ былъ противенъ еврею въ корнѣ. Онъ шель въ разрѣзъ съ требованіями его религіи, въ томъ видѣ, какой она приняла въ тотъ періодъ народженія многочисленныхъ школъ комментаторовъ и разъяснителей Моисеева закона. И это-то было главной причиной, что живопись, скульптура, сцена и др. искусства (за исключеніемъ музыки, являющейся какъ-бы ихъ врожденной стихіей) и были чужды еврею на протяженіи всего періода вѣковъ его сложной и исключительной исторіи.

Я упомянулъ именно о томъ фазисѣ, въ которомъ находилась религія евреевъ съ потерей ихъ политической независимости, когда появились упомянутые комментаторы и казуисты, какъ о рѣзкой противоположности тому религіозному культу, который существовалъ у евреевъ при первомъ и второмъ храмѣ (особенно при первомъ). Тогда среди евреевъ признавался и былъ предметомъ поклоненія Моисеевъ законъ въ его кристальной чистотѣ. На немъ не было никакихъ казуистическихъ наслоеній, какія впоследствии извратили его великій философскій и житейскій смыслъ. И такъ какъ, по опредѣленію самаго Моисея, его вѣра была дана іудеямъ, чтобы исполнить ея заветы и главное, что ими «жить можно», то вполне понятно, что, еслибы духъ ея остался тотъ же и среди дальнѣйшихъ поколѣній, первый изъ народовъ, кто пошелъ бы навстрѣчу эллинизму и его культу красоты—были бы именно евреи. Ибо этотъ культъ, получившій свое преемственное значеніе отъ язычества, остался въ весьма значительной степени въ самомъ ученіи Моисея. Уже одно то, что Моисей оставилъ жертвоприношеніе въ числѣ основныхъ обрядовъ, что онъ говорилъ о будущемъ храмѣ въ Іерусалимѣ, какъ о центрѣ всей духовной жизни еврейства, равнымъ образомъ его учрежденіе жреческой касты, однимъ словомъ сохраненіе почти въ нетронутомъ видѣ главнѣйшихъ основъ язычества—все это говоритъ за то, что Моисей вовсе не имѣлъ намѣренія обособить евреевъ отъ прочихъ народовъ міра. Онъ говорилъ объ этомъ, но оно скорѣе относилось къ его желанію отучить любимый свой народъ отъ порочныхъ, губительныхъ сторонъ язычества. Красоту же и духовную мощь послѣдняго онъ, любя народъ, безусловно оставилъ для него въ своемъ новомъ ученіи.

Въ нашей современной литературѣ мы имѣемъ теперь одинъ цѣнный и весьма талантливо написанный документъ свидѣтельствующій о томъ, какъ еврейскому народу въ періоды существованія перваго храма были доступны та же красота, тѣ же страсти и жизненные импульсы, что и прочимъ народамъ. Этотъ документъ—«Суламифь» Куприна. Кто знакомъ съ библіей и ея красотами, особенно блещущими, когда изучаешь ее въ оригиналѣ, тотъ признаетъ

за Купринымъ превосходное знаніе эпохи, могучій полетъ творческой, поэтической мысли. Ни одинъ изъ эпизодовъ его повѣствованія не грѣшитъ противъ художественной и исторической правды. Въ данномъ случаѣ, въ противовѣсъ тому, что я писалъ объ этомъ писателѣ недавно въ одной изъ моихъ статей, я констатирую фактъ большой его добросовѣстности въ изученіи интересовавшей его эпохи.

Такъ вотъ я говорю, что, если-бы не то направленіе, которое приняла религія у евреевъ съ потерей ихъ политической независимости—къ тому же ставшая тогда всѣмъ смысломъ и содержаніемъ жизни народа—евреи первые примкнули бы къ эллинизму и дальнѣйшее направленіе и развитіе ихъ духовной жизни потекло бы по совершенно иному руслу. Кто знаетъ, отъ какихъ бѣдствій это спасло бы еврейскій народъ, и въ интересующей насъ области искусства какіе новые горизонты и невѣдомые міры открыло бы это способное и даровитое племя. Но исторія разсудила иначе. Еврейскій народъ сталъ въ сторонѣ отъ всего міра. И эта обособленность вѣками вошла въ плоть и кровь, и мало-по-малу вытравила изъ сердца народа даже способность занять какое-бы то ни было мѣсто въ области мірового искусства. (Небольшое исключеніе составляютъ послѣдніе 40—50 лѣтъ, когда евреи стали приобщаться къ европейской культурѣ. Но объ этомъ—послѣ).

Въ данную минуту насъ интересуетъ театр. Врядъ-ли кто даже изъ интересующихся духовной жизнью евр. націи постарался когда-либо доискиваться перво-причины отсутствія настоящей народной сцены у евреевъ. Тогда какъ эта перво-причина имѣется на лицо. Театръ, какъ и изящная литература, которой не зналъ укладъ жизни стараго еврейства (до послѣднихъ 30—40 лѣтъ), были чужды еврею по основному содержанію и смыслу всего своего быта. Ибо *страсть*, какъ основа романтизма и какъ главный импульсъ культа красоты, возведенный у арійскихъ народовъ въ перлъ созданья и служившій всегда главнѣйшимъ содержаніемъ изящной и сценической литературы,—въ глазахъ еврея считалась всегда самымъ низменнымъ, поганымъ побужденіемъ человѣческой животности. Слово «страсть»,—его даже нѣтъ ни въ древнееврейскомъ, ни въ жаргонномъ нарѣчій. То, что мы понимаемъ подъ этимъ словомъ, и среди тепершняго религіознаго еврейства не имѣетъ другого названія, какъ «похоть», «низменная похоть» («Таава ан-муваза»). О «страсти» же, «красивой страсти», что сдѣлалось у всѣхъ народовъ ходячимъ лозунгомъ и представленіемъ о чемъ-то могучемъ, чуть-ли не героическомъ, объ этомъ религіозное еврейство понятія не имѣло, считая это плодомъ распушенности и позывомъ животнаго инстинкта.

Найдутся такіе, которые назовутъ это парадоксомъ. Но я отвѣчу этимъ господамъ,

что они не изучили еврейскую жизнь плу-боко и всесторонне. Возьмите даже народившуюся сравнительно недавно жаргонную литературу, представителей которой — Перетца, Аша, Шалемъ-Алейхема и др.—безусловно можно назвать людьми большихъ литературныхъ дарованій. Лучшія изъ ихъ произведеній—это тѣ, сюжеты которыхъ почерпнуты изъ жизни стараго еврейства. И оно вполне понятно. Ибо только эта жизнь богата содержаніемъ и характерностью типовъ; тогда какъ современное еврейство—это что-то вылощенное, прилизанное, подражающее кому-то и въ общемъ—ни рыба, ни мясо, ни Богу—свѣчка, ни чорту—кочерга. (Объ этомъ какъ-нибудь въ другое время). Эти истинные таланты—не написали почти ни одного романа въ томъ значеніи, какъ понимаютъ подобнаго рода произведенія. Вѣрные реализму въ ег истинномъ смыслѣ, они понимаютъ, что подобнаго рода произведеніе было бы ходульнымъ, грѣшащимъ противъ художественной правды, ибо жизни еврея чужды всякія романическія похождения. Я не могу удержаться, чтобы не привести одну сценку изъ произведенія знаменитаго писателя Шалемъ-Алейхема, отражающую, какъ въ чистѣйшемъ кристаллѣ, отношеніе еврея стараго закала къ чувству любви. Эта сценка, глубоко реалистическая, подтвердитъ всѣ вышеприведенные мною доводы.

Къ еврею приходитъ молодой человѣкъ и говоритъ ему:

— Рабби Тувія, я пришелъ просить руку вашей Эти. Я долженъ вамъ сказать, что я ее люблю...—(Молодой человѣкъ, надо добавить, уже изъ современныхъ).

— То есть, какъ это ты любишь ее?..

— Очень просто, люблю ее и...

— Ничего не понимаю! А почему, скажи мнѣ, ты долженъ ее ненавидѣть? Что она тебѣ зло сдѣлала, что-ли?

Вотъ оно, самое вѣрное отраженіе отношенія еврея къ тому чувству, которое прочіе народы называютъ двигателемъ міра, которому обязана своимъ появленіемъ вся міровая изящная литература и сцена.

Послѣ этого читателю уже станетъ понятно, почему всѣ пластическія искусства, какъ и сцена, были совершенно чужды еврейству до недавняго прошлаго, когда небольшая часть его потянулась къ роднику европейской культуры. Отсюда и понятно будетъ, почему театр у такого даровитаго, издавна культурнаго народа находится въ такомъ зачаточномъ состояніи.

Въ семидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія, по инициативѣ одного даровитаго человѣка, нѣкоего Гольдфадена, впервые появился, такъ называемый, еврейскій театр. Гольдфаденъ самъ былъ драматургъ, антрепренеръ, композиторъ и даже актеръ (нѣчто вродѣ еврейскаго Мольера). Труппа его была одна изъ лучшихъ, репертуаръ былъ литературный и, главное, соответствовалъ духу времени. Если-бы не реакція восьмидесятыхъ годовъ, грозно обрушившаяся на

голову еврейства и уничтожившая также его театр, послѣдній продолжалъ бы развиваться и весьма возможно, что евреи имѣли бы теперь образцовую сцену. Благодаря же охранительной политикѣ, театр погибъ въ началѣ своего зарожденія. А позже, въ пятидесятыхъ годахъ и вплоть до переживаемаго нами момента, пошла уже полоса сценическаго кощунства. Появились люди, безграмотные, невѣжественные, настоящіе клоуны, которые назвали себя представителями еврейской сцены, и въ итогѣ получилось то, что они позорили свой народъ въ буквальномъ смыслѣ слова.

Нельзя поэтому не привѣтствовать самую мысль о реорганизации еврейскаго театра, придавъ ему литературную физіономію и приблизивъ его хотя относительно къ идеалу настоящей сцены. Этой цѣлью задался теперь нѣкій Каминскій. Но, по правдѣ сказать, я мало вѣрю въ успѣхъ его предпріятія. Я не вѣрю по той причинѣ, что Каминскій самъ долгіе годы стоялъ во главѣ еврейскаго театра, которому лучшее названіе былъ бы «балаганъ», но не сцена. И человѣкъ онъ, по-моему, малокультурный. Все-таки важна сама идея.

Репертуаръ введенъ совершенно новый, исключительно изъ пьесъ новаго писателя Я. Гордина. Но и это говоритъ за невысокій уровень литературныхъ вкусовъ руководителей театра. Гординъ обладаетъ сценической техникой. Его пьесы сценичны. Но писатель онъ малоразвитый и безъ яркаго литературнаго дарованія. Кромѣ того, онъ какой-то «передѣлочникъ». Рѣдко встрѣчаешь у него вещь, сюжетъ которой не былъ бы заимствованъ. Одну изъ такихъ вещей, подъ названіемъ «Крейцера Соната», я смотрѣлъ на-дняхъ въ театрѣ г. Каминскаго. Зачѣмъ понадобилось драматургу это громкое названіе для своей драмы, взятое на прокатъ у великаго Толстого, я не знаю. Исторію семейной драмы въ домѣ еврея Фридлендера можно было бы изложить безъ ущерба для цѣльности ея конструкции и безъ этого названія. Но не въ этомъ еще бѣда. Плохо только то, что для этой, въ общемъ, несложной вещи не нашлось интеллигентныхъ актеровъ въ труппѣ г. Каминскаго. Я говорю именно объ интеллигентности, такъ какъ полное отсутствіе ея въ средѣ еврейскихъ актеровъ—это язва всего еврейскаго театральнаго искусства. Игралъ, наприимѣръ, отца Фридлендера г-нъ Раппель. Видно, что человѣкъ не развитъ и лишенъ всякаго художественнаго чутья. Онъ заслуживалъ бы еще снисхожденія, если бы онъ игралъ француза или нѣмца и, не понявъ типа тамъ, впадалъ бы въ шаржъ. Но, играя еврея, какъ же онъ, сынъ своей націи, не понимаетъ, что кременчугскій еврей Фридлендеръ не можетъ быть одѣтъ и подстриженъ, какъ русскій купецъ изъ Жидры и не можетъ говорить какимъ-то эзоповскимъ полунѣмецкимъ, полурусскимъ языкомъ. Каждый выходъ этого артиста и каждая его фраза букваль-

но возмущали меня. То же приходится сказать и о г-жѣ Роппель, игравшей роль дочери Цилли, и о г. Ландау—Грегуарѣ. Люди просто невѣжественные и безъ всякаго представления о сценическомъ искусствѣ. Единственной, живой и вполне реальной фигурой былъ г. Вейсманъ, игравшій музыканта Эфроима Фидлера. На немъ душа отдыхала. Артистъ безспорно талантливый. Большіе задатки дарованія видны у г-жи Каминской. Но они заглохли. Причина—опять-таки некультурность. А артистки она могла бы быть прямо-таки незаурядной. Видна большая нервная сила и темпераментъ.

Можно посоветовать г. Каминскому лишь одно. Если интеллигентныхъ силъ онъ не можетъ привлечь въ свою труппу, пускай возьметъ режиссера или завѣдующаго художественною частью, человѣка литературнаго. И тогда весь театръ пріобрѣтетъ совсѣмъ другую физиономію.

Въ заключеніе можно сказать слѣдующее:

Какъ все странно, нелогично и порою даже несуразно въ жизни еврейскаго народа, точно также исковерканы до суразности многія стороны его духовной жизни. Народъ развитой, интеллигентный, а родная сцена, которая была бы выразительницей его нуждъ и чаяній, освѣщала бы темныя стороны его далеко непривлекательной жизни,—находится у него почти въ зачаточномъ состояніи. И странно, и грустно....

С. Генъ.

Закрытіе сезона въ Александринскомъ театрѣ.

Бенефисъ «вторыхъ артистовъ и суфлеровъ», которымъ закончили зимній сезонъ, прошелъ утомительно-нудно.

Публикѣ преподнесли: замурзанныхъ по столичнымъ сценамъ «Семнадцатилѣтнихъ», а замѣняя послѣднее слово собирательнымъ Дрейеровскую «Молодежь».

Переводъ, правда, новый, но пьеса-то сама достаточно навязла въ зубахъ.

Затѣмъ г. Свирскій вытасилъ на свѣтъ Божій «Заратустру изъ села Будникова».

Остроуміе сюжета оказалось лишь въ томъ, что пропойца-лакей въ запойномъ состояніи, по капризу изобрѣтательности автора пьесы, говоритъ не иначе, какъ словами Заратустра.

Бѣдный Заратустра!..

Ему, несомнѣнно икается!

Въ весьма посредственной пьесѣ Дрейера «Молодежь» въ роли Эрики была г-жа Гзовская.

Талантливая, чуткая много работающая надъ собою г-жа Гзовская Эрику дала на этотъ разъ не вполне законченную и вообще захватить зрителей ей не удалось.

Г. Юрьевъ (по своей роли) желалъ быть семнадцатилѣтнимъ,—но... былъ неуклюжъ и вообще тяжелъ.

Жалко хорошаго актера, пожелавшаго сѣсть не въ свои саночки.

Лицо г. Юрьева не сумѣло передать тѣхъ юныхъ трепетныхъ желаній, которыя пробуждаются въ юношѣ.

Спасибо Кондратию Яковлеву: игралъ ровно и очень красочно.

Въ фарсѣ г. Свирскаго безсмертное трио г. Давыдовъ, Варламовъ, Стрѣльская и на придачу г-жа Домашева прилагали всѣ усилія смѣшить публику, но усталая за 7 актовъ («Молодежь» 4 акта и фарсъ 3 акта) она реагировала тускло.

Прощаясь съ зимнимъ сезономъ, хотѣлось сказать что-нибудь теплое казенной сценѣ,—но, право, не пошевеливается языкъ.

Владимиръ Блохинъ.

Московскій Художественный театръ. „Жизнь человѣка“ Андреева.

Къ произведенію Андреева «Жизнь человѣка» можно подойти съ двухъ сторонъ, въ зависимости отъ взгляда на жизнь и того отвѣта, который каждый желаетъ получить на мучающій всѣхъ смертныхъ вопросъ о смыслѣ нашего бытія. И, какъ вещь символическая, трактующая о такой высокой матеріи, какъ жизнь человѣка, произведеніе Андреева дѣйствительно можетъ дать различные отвѣты на этотъ вопросъ. Такъ, на примѣръ, кто склоненъ видѣть въ хаотичности нашей жизни, въ толчеѣ человѣческихъ дрызгъ, заботъ и страданій, въ бессмысленномъ сплетеніи наперекоръ разуму и логикѣ явныхъ противорѣчій и несообразностей, одну лишь глупую отвратительную комедію, траги-фарсъ съ глупымъ началомъ и пошлымъ концомъ—тотъ найдетъ въ произведеніи Андреева полное подтвержденіе своему міровоззрѣнію. Съ другой стороны тотъ, кто видитъ въ жизни высшій философскій смыслъ, но сводящійся въ общемъ къ какой-то глубокой, еле доступной человѣческому пониманію, трагедіи, кто признаетъ надъ міромъ какую-то высшую правящую силу, но онъ стоитъ въ недоумѣніи передъ разгадкой тайны ея страннаго и непонятнаго управленія вселенной, тотъ тоже найдетъ въ произведеніи Андреева, яркую картину именно этой скрытой трагедіи и неразгаданной тайны. Андреевъ конечно, не тотъ великій мудрецъ, который постигъ тайну жизни. Разрѣшать эту мировую, труднѣйшую проблему пробовали въ разныя времена и періоды человѣческой исторіи люди талантомъ выше и ихъ попытки тоже не увѣнчались успѣхомъ. Заслуга Андреева, въ данномъ случаѣ, состоитъ лишь въ томъ, что онъ напалъ на удачную мысль воплотить въ сценическихъ образахъ то, что составляло предметъ безконечныхъ философскихъ исканій древнихъ теологовъ и метафизиковъ. Между прочимъ, главнымъ источникомъ для названнаго произведенія послужила, конечно, Андрееву книга Іова.

Такъ вотъ я говорю, что, въ зависимости отъ приведенныхъ выше взглядовъ, можно различно понимать и толковать произведеніе Андреева. Какъ это ни странно,

но мнѣ, на примѣръ, пришлось выслушать мнѣніе весьма компетентныхъ критиковъ, что намѣренная тенденція Андреева, проводящая во всей пьесѣ его взглядъ на жизнь, какъ на глупую пошлую шутку, сказывается именно въничтожной, пошлой полькѣ, которую играютъ на балу у человѣка. Пошлость этой музыки, молъ, лучшая характеристика человѣческой жизни. И въ ней—весь символъ нашего бытія. Признаться, аттестация неважная для Андреева. Если бы въ пьесѣ не было бы ничего другого, что могло-бы дать поводъ, пожалуй, къ иному и еще различному толкованію, за нею нельзя было-бы признать никакихъ достоинствъ. А что, на примѣръ, скажутъ тѣ же г.г. критики противъ такого пониманія пьесы: «Человѣкъ самъ, несмотря на свой гордый вызовъ судьбѣ, року, брошенный имъ во второмъ актѣ пьесы, все—таки сознаетъ силу Высшаго Провидѣнія, къ которому онъ и обращается съ молитвой въ трудную минуту жизни, когда его сынъ умираетъ. Онъ не обращается тогда къ «Нѣкто въ Сѣромъ», которому онъ бросилъ вызовъ, а къ Богу. Этимъ онъ подчеркиваетъ, что «Нѣкто въ Сѣромъ» не есть неограниченный властелинъ міра, что надъ нимъ есть еще какой-то Высшій Правитель, что «Нѣкто въ Сѣромъ» даже не исполнитель, а просто предвѣстникъ Его неограниченной воли (въ пьесѣ, въ сущности, Нѣкто въ Сѣромъ все время только-же и говорилъ, что «то-то будетъ» и не говоритъ: «то-то я сдѣлаю»). И мораль получается такая, что Богъ, властелинъ міра, смѣется надъ дерзостью, надъ смѣлостью смертнаго. Вся его храбрость и бахвальство смѣшны ему и онъ его ломаетъ, какъ соломинку. И оправдываются слова того-же Іова: «Онъ разрушаетъ планы мудрецовъ и надъ смѣлостію гордыхъ смѣется»

Я отлично понимаю, что самъ Андреевъ далекъ отъ подобнаго толкованія своей пьесы. Но, повторяю, Андреевъ тутъ ни при чемъ. Онъ далъ картину жизни, которая намъ достаточно извѣстна. Онъ намъ ничего новаго не сказалъ. Онъ лишь, какъ я уже сказалъ, облекъ ее въ оригинальную, сценическую форму. А толковать, вывести мораль предоставляется каждому сдѣлать это по своему желанію и взгляду на жизнь. И никто, въ сущности, не вправе утверждать, что его толкованіе вѣрно, а другой ошибается. Ибо затронутый Андреевымъ вопросъ—это тотъ вѣчный, гордіевъ узелъ, который такъ скоро распутать врядъ-ли кому удастся. И никто не можетъ сказать, что лишь его путь къ разрѣшенію вопроса вѣренъ и что другой блуждаетъ въ темнотѣ.

Исходя изъ этого, я утверждаю, что Московскій Художественный театръ насколько не посягаетъ на художественную цѣнность Андреевской пьесы—какъ утверждаютъ другіе—если онъ толкуетъ ее по своему, не такъ, какъ петербуржцы видѣли ее въ постановкѣ Мейерхольха. Мос-

ковскій Художественный театр, повидимому, толкуетъ пьесу Андреева именно не какъ пасквиль на жизнь, содержаніе которой—глупый, пошлый фарсъ. Онъ видитъ въ пьесѣ иллюстрацію глубокой трагедіи, которой проникнута наша жизнь. И въ соответствии съ подобнымъ толкованіемъ скомпанованы всѣ детали обстановки. На балу у человѣка музыканты играютъ не польку, а грустный меланхолическій мотивъ. Особенно ярко говорятъ звуки мотива, раздающагося изъ внутреннихъ апартаментовъ человѣка. Авторъ этой музыки, какъ видно, поклонникъ Глюка. Его вліяніе на него видно, въ обоихъ мотивахъ. И такая музыка умѣстна. Она говоритъ за то, что въ самомъ веселіи человѣка присутствуетъ тайная, невидимая, скрытая скорбь. Имѣетъ также большой символическій смыслъ пластическій танецъ, исполняемый двумя парами балеринъ въ обоихъ концахъ залы. Этотъ танецъ можно понимать, какъ присутствіе извѣстной доли красоты въ нашей жизни. Но эта микроскопическая утѣха, часть нашей дѣтской игры поглощается бездной страданія и мытарствъ. Видна также работа незаурядной фантазіи въ декорацияхъ. Этотъ черный фонъ, цвѣтъ черного бархата, эти свѣтлыя лініи разрѣзовъ—все импонируетъ настроенію.

Что же касается игры артистовъ, то на первомъ планѣ приходится, конечно, считаться съ г. Леонидовымъ. Это крупная артистическая сила. Во второмъ и четвертомъ актѣ при обращеніи къ Нѣкто въ Сѣромъ артистъ былъ въ настоящемъ ударѣ и провелъ эти сцены блестяще. Хорошая актриса также г-жа Барановская. Роль жены человѣка она проводитъ прекрасно. Роль Нѣкто въ Сѣромъ г. Вишневскій провелъ именно такъ, какъ того требуетъ авторъ—безстрастно, какимъ-то каменнымъ голосомъ. Группы гостей были всѣ на своемъ мѣстѣ. Встрѣчающіяся въ пьесѣ фразы, повторяющіяся гостями по много разъ (напр.: «Какъ пышно, какая честь» и т. д.) не звучали монотонностью и однообразіемъ. Мѣнялись каждый разъ интонаціи. Однимъ словомъ, все предусмотрѣно и каждый изъ исполнителей дѣлаетъ все обдуманно, памятуя о стройности ансамбля.

Не понравилась мнѣ только пятая картина. Ужъ слишкомъ нагромождены всякіе ужасы. Впрочемъ, это слабѣйшая часть и всей пьесы. Въ ней проявляется именно то, что мнѣ не нравится въ Андреевѣ. Такъ называемые «жестокіе таланты», вообще, многимъ не по вкусу. Зачѣмъ эти «крысы», выведшія «крысенятъ»? Эти тараканы и змѣеныши, о которыхъ говорятъ старухи. Какъ будто безъ этого картина будетъ не достаточно реальна? Какъ будто обязательно нужно дать зрителю или читателю «дышломъ по затылку», пока онъ почувствуетъ реализмъ изображаемой картины? Къ сожалѣнію, развелось, въ послѣднее время очень много такихъ «жесто-

кихъ» талантовъ, заставляющихъ читать ихъ произведенія съ нашатыремъ въ рукѣ. Молъ, не знаешь, что будетъ. А вдругъ такая картинка, гдѣ сгущенный ультра-реализмъ, чего добраго, стошнитъ и рвать захочется».

Публика, конечно, восторженно приняла своихъ любимцевъ. Ц. Гроссъ.

Большой залъ Консерваторіи. Чествованіе памяти Рихарда Вагнера.

Изъ всѣхъ концертовъ, лекціи и спектаклей, которые были посвящены памяти Рихарда Вагнера по случаю двадцатипятилѣтней годовщины его смерти—самыми интересными,—какъ по исполненію такъ и по программѣ—можно считать два концерта, устроенные графомъ А. Д. Шереметевымъ, при участіи его оркестра, усиленнаго хора и солистовъ. Въ первомъ 129-мъ концертѣ была исполнена, въ числѣ главныхъ номеровъ, 3-е дѣйствіе изъ „Парсифаля“, сцены котораго были иллюстрированы свѣтовыми картинами. Во второмъ же 130-мъ концертѣ въ такомъ же видѣ былъ исполненъ и 1-ый актъ „Парсифаля“. Дирижировалъ (хоромъ, оркестромъ и солистами) самъ графъ. Надо отдать справедливость, что особенно 1-ое дѣйствіе было проведено прямо-таки мастерски. Пріятно видѣть передъ собою дирижера не манекена, а живого, нервнаго человѣка, который самъ переживаетъ каждый звукъ, каждый нюансъ. Лишь при подобномъ дирижированіи оживаютъ образы, которыми грезили и облекъ въ музыкальныя формы—композиторъ. Я знаю одного великолѣпнаго дирижера на югѣ Россіи, который дирижировалъ произведеніями русскихъ композиторовъ въ Парижѣ на выставкѣ, а также въ Антверпенѣ. Музыкальные схоласты и буквоѣды называютъ его манеру дирижированія „музыкальной клоунадой“. И это только за то, что человѣкъ огненнаго темперамента, онъ хочетъ объять необъятное. Я не разъ шутилъ говорилъ, какъ счастливъ былъ бы этотъ человѣкъ, еслибы вмѣсто двухъ, у него вдругъ оказалось 16 рукъ или, во всякомъ случаѣ, хоть не меньше число инструментальныхъ группъ въ оркестрѣ. Тогда лишь онъ былъ бы доволенъ. Ибо весь оркестръ былъ бы въ немъ самомъ. Вступленія были бы даны съ неимовѣрной быстротой, не ускользнулъ бы ни одинъ малѣйшій штрихъ и нюансъ. Все подчинялось бы его волѣ. Но это, конечно, шутка. Въ сущности же тотъ и есть настоящій дирижеръ, который двумя руками можетъ подчинить себѣ всю армію исполнителей. И если онъ при этомъ проявляетъ горячность, пылкій темпераментъ, то это скорѣе плюсъ, а не минусъ.

Въ 129-мъ концертѣ были также прекрасно проведены графомъ вступленія къ „Лоэнгину“, „Сонъ Эльзы“ и прощаніе Лоэнгина. Вся поэзія этого безсмертнаго творенія Вагнера была отѣнена съ особой художественной рельефностью. Имѣлъ также успѣхъ въ своихъ номерахъ г. Владиміровъ. Хотя долженъ сказать, что „Импе-

раторскій Маршъ“ меня не удовлетворилъ. Какъ апофеозъ могуществу Германіи послѣ франко-прусской войны, эта вещь должна исполняться съ особымъ подъемомъ и силой. Этого не замѣтно было у г. Владимірова.

Изъ солистовъ имѣлъ успѣхъ баритонъ г. Карташевъ, сопрано г. Афанасьева. У перваго красивый голосъ и поетъ онъ музыкально. Тоже самое можно сказать и про г-жу Афанасьеву. Не понравился мнѣ абсолютно великосвѣтскій пѣвецъ теноръ г. Крижановскій. Голосъ непріятнаго тембра и чисто любительское пѣніе. Хоръ пѣлъ стройно и толково, что говоритъ за то, что репетирующій съ хоромъ вокальные номера дирижеръ, вѣроятно, человѣкъ понимающій свое дѣло. Виденъ трудъ и энергія.

Публика горячо принимала дирижеровъ и исполнителей. На послѣднемъ концертѣ были преподнесены графу Шереметеву большой серебрянный и лавровый вѣнки.

С. Генъ.

„СВОБОДНАЯ ЛЮБОВЬ“. Николая Черикова.

Въ театрѣ «Комедія», на Моховой, была поставлена С. Ратовымъ въ первый разъ новая пьеса Ник. Черикова «Свободная любовь».

Очень трудно сказать что либо о пьесѣ по этому спектаклю, такъ какъ исключительно не выдерживающая никакой критики игра исполнителей, за исключеніемъ очень талантливаго артиста Блюменталь-Тамарина, портила все впечатлѣніе, которое можетъ быть и было бы при другихъ исполнителяхъ хорошимъ.

Въ пьесѣ есть очень сильныя и красивыя сцены, такъ въ 1-мъ актѣ—сцена дуэли и весь послѣдній актъ, который происходитъ въ тюрьмѣ.

Очень талантливая и выпуклая игра Блюменталь-Тамарина, съ большимъ подъемомъ проведшаго центральную роль—Кератова, доставила публикѣ высокое эстетическое наслажденіе.

Артиста долго вызывали.

Что касается пьесы, то ограничимся лишь немногимъ. Авторъ, повидимому, хотѣлъ внести въ свою пьесу нѣчто оригинальное. Отчасти это ему и удалось но не можемъ сказать, чтобы пьеса не страдала и дефектами. Къ числу ихъ надо отнести нѣкоторые совершенно лишніе вставные эпизоды, не гармонирующіе съ общимъ ходомъ пьесы, длинноты и несогласованные входы и выходы нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ пьесы.

Въ заключеніе не можемъ не прибавить, что поставлена пьеса очень тщательно, въ чемъ безусловно видна опытная рука такого артиста, какъ С. Ратовъ.

У публики пьеса имѣла успѣхъ—автора вызывали довольно настойчиво.

А. Лецкій.

Какъ намъ удалось выяснитъ, въ личной бесѣдѣ съ К. С. Станиславскимъ, инцидентъ, далеко не правдоподобный и такъ раздутый газетами относительно проѣзда артистовъ художественнаго московскаго театра изъ Москвы въ Петербургъ по служебнымъ билетамъ, оказался, какъ мы и думали, сильно преувеличеннымъ. Дѣло въ томъ, что съ тѣмъ поѣздомъ ѣхали не артисты, а лишь низшіе служащіе и временные сотрудники театра, которые, имѣя на желѣзныхъ дорогахъ родственниковъ и близкихъ знакомыхъ, конечно, постарались изъ экономіи запасти служебными проѣздными билетами. Скопленіе же въ одномъ поѣздѣ такого большого числа пассажировъ съ служебными билетами обратило вниманіе контроля и дало поводъ къ возникновенію инцидента.

— Г-жа Гзовская подала прошеніе въ дирекцію объ отпускѣ на одинъ годъ.

— Г-нъ Мосинъ приглашенъ дирекціей на будущій сезонъ въ составъ труппы Большаго театра.

— Въ театрѣ Корша, въ бенефисъ антрепренера г. Левицкаго, шла послѣдній разъ оперетка „Ночь любви“.

Всѣ семь спектаклей дали г. Левицкому по 2,000 руб. на кругъ.

— Управляющій конторою Императорскихъ театровъ объявилъ 25 артистамъ объ ихъ увольненіи изъ Малаго театра.

Въ списокъ увольняемыхъ вошли слѣдующія лица: г-жи Таирова, Полянская, Токарева, Нечаева, Капнина; гг. Грековъ, Гаринъ-Виндингъ, Лазаревъ 1-й, Лазаревъ 2-й, Пановъ, Федоровъ, Волковъ, Талановъ, Ланской, Акимовъ, Гольденталь, Тарасенковъ и др.

— Какъ мы уже сообщали, въ Петербургѣ организуется новый театръ, репертуаръ котораго будетъ составленъ изъ пьесъ японскихъ, китайскихъ и корейскихъ писателей. Въ настоящее время окончательно выяснилось, что театръ этотъ будетъ носить названіе „Мельпомена Востока“. Онъ явится единственнымъ въ своемъ родѣ во всей Европѣ и Америкѣ. Для театра будетъ сооружено особое зданіе въ центрѣ города; мѣсто уже подыскивается уполномоченнымъ отъ группы инициаторовъ, которые рѣшили приступить къ постройкѣ не позже весны будущаго года, а можетъ быть даже подготовительная работа начнется предстоящею зимою. Артистическій персоналъ будетъ состоять изъ небольшой собственной труппы и гастролеровъ, пользующихся популярностью въ театрахъ Дальняго Востока. Въ теченіе перваго сезона прогастролируютъ всѣ лучшія силы Японіи. При театрѣ устраивается большой ресторанъ подъ управленіемъ китайскаго и японскаго метръ дотелей, которые привезутъ своихъ поваровъ. Музыка въ ресторанѣ будетъ исключительно дальневосточныхъ композиторовъ, которые въ Россіи пока совсѣмъ неизвѣстны еще. Эта новинка возбуждаетъ уже большіе толки среди военнаго и высшаго аристократическаго общества.

— Въ настоящее время въ окрестностяхъ Петербурга уже начались спѣшныя работы по привиденію въ порядокъ пригородныхъ лѣтнихъ театровъ. Почти ни одной дачной мѣстности не остается безъ театра; во многихъ текущимъ лѣтомъ будетъ даже по два театра, на примѣръ, въ Лиговѣ, въ Стрѣльнѣ, въ Озеркахъ, въ Сестрорѣцкѣ, въ Лугѣ, въ Петергофѣ и т. д. Преимущество отдается драматическому репертуару, хотя во многихъ театрахъ будутъ гастролировать и опереточныя труппы.

— Л. Б. Яворская предстоящимъ лѣтомъ появится въ нѣсколькихъ лѣтнихъ театрахъ въ качествѣ гастролерши. Одновременно съ ней появятся нѣкоторые артисты и артистки ея тифлисской антрепризы.

— Италія въ настоящее время переживаетъ „теноровый кризисъ“, чего еще никогда не случалось на родинѣ знаменитѣйшихъ теноровъ. Причиной кризиса является то обстоятельство, что почти всѣ выдающіеся тенора ангажированы въ Сѣверную Америку за баснословный гонораръ. Даже въ знаменитомъ миланскомъ „La Scala“ нѣтъ теперь ни одного выдающагося тенора, а потому театръ прибѣгаетъ къ гастролямъ иностранныхъ знаменитостей. Для Италіи, поставщицы теноровъ всему міру, это явленіе представляется весьма оригинальнымъ.

— Изъ Москвы передаютъ, что, по распоряженію московскаго градоначальника, арестованъ на трое сутокъ помощникъ пристава Корніенко за то, что въ циркѣ онъ аплодировалъ наѣздницамъ. Градоначальникъ указываетъ, что обязанность полицейскихъ чиновниковъ слѣдить за порядкомъ, а не оцѣнивать артистовъ.

— На Маріинскую сцену принять (безъ дебюта) начинающій пѣвецъ (basso profundo) П. Я. Павловъ (по сценѣ). Нѣсколько лѣтъ г. Павловъ былъ діакономъ въ одной изъ столичныхъ церквей.

— Въ Московскомъ „Интернаціональномъ“ театрѣ состоялся спектакль, организуемый „московскимъ Обществомъ для распространенія французскаго языка“ (Alliance Francaise de Moscou). Пойдетъ 5-ти актная пьеса Альфонса Додэ „Арлезіанка“ (L'Arlesienne) съ музыкой и хорами Жоржа Бизе.

— Оперная труппа гг. Кирикова и Циммермана попрежнему будет играть лѣтомъ въ Народномъ домѣ, въ театрѣ же Неметти, гдѣ предполагались спектакли труппы, состоится чемпионатъ борьбы подѣ управленіемъ г. Лебедева и при участіи знаменитыхъ борцовъ.

— Симфоническіе концерты въ Сестро-рѣцкомъ курзалѣ начнутся 11-го мая.

— Съ мая мѣсяца „Театральный клубъ“ начнетъ строить театръ на 700 зрителей съ большой сценой, снабженной новѣйшими техническими приспособленіями. Второй этажъ театра будетъ занятъ концертнымъ заломъ на 600 человекъ. Театръ съ осени будетъ эксплуатироваться клубомъ; будетъ играть труппа драматическихъ артистовъ. Въ концертномъ же залѣ состоятъ семейно-художественные вечера клуба.

— 22-ой семейно-художественный вечеръ „Театрального клуба“ прошелъ очень оживленно. Большой успѣхъ имѣли артисты Марининскаго театра г-жа Будкевичъ, спѣвшая романсъ „Villanelle“ и г. Филипповъ, музыкально исполнившій романсъ Кенемана „Какъ король шелъ на войну“ и другія пьесы. Съ выдающимся успѣхомъ спѣла рядъ романсовъ Чайковского и Блейхмана г-жа Н. Лежень, блистая, какъ всегда, музыкальностью передачи. Молодая пѣвица г-жа Ермина обнаружила хорошія голосовыя средства. Изъ инструментальныхъ солистовъ успѣхомъ пользовались гг. Гарперъ (віолончель) и Веме (корнетъ). Нравился г. Степановъ, какъ рассказчикъ.

23-й вечеръ также собралъ въ субботу, 19-го апрѣля, много публики. Выдающийся успѣхъ имѣли: даровитый віолончелистъ Е. Ф. Мальгрень, блестяще исполнившій нѣсколько пьесъ Полнера и Давыдова, г-жа Алымова, превосходно сыгравшая на арфѣ вариации изъ балета „Пахита“, г-жа Нардуччи (колоратурное сопрано), красиво спѣвшая арію изъ „Динары“ и г. Карташевъ, при исполненіи романсовъ обнаружившій красивый голосъ. Пѣли еще г-жа Куткова и г. Черновъ.

— Артисты Малаго театра, во главѣ съ А. И. Южинымъ, выѣзжаютъ на гастроли въ южные города; первый спектакль состоится въ Харьковѣ.

— Хоръ Большого театра вмѣстѣ съ хормейстеромъ г. Авранекъ выѣхалъ въ Парижъ для участія въ русскихъ оперныхъ спектакляхъ, устраиваемыхъ г. Дягилевымъ.

Оперетта въ Пассажѣ.

22 апрѣля состоялся первый спектакль въ театрѣ „Пассажъ“ вновь сформировавшагося товарищества опереточныхъ артистовъ. Шли двѣ любимыя и популярныя оперетты: „Гейша“ и „Бѣдныя овечки“.

Изъ исполнителей достойны вниманія; извѣстная опереточная артистка З. Ф. Бауэръ, очень мило спѣвшая одну изъ луч-

шихъ своихъ ролей „Мимозу“ и А. Долинъ, смѣшившій цѣлый вечеръ публику своими удачными остротами. Въ общемъ спектакль былъ довольно удачный, какъ со стороны ансамбля, такъ и въ матеріальномъ отношеніи, т. к. залъ былъ почти полонъ.

Сашинъ.

Артистка Н. М. ПУШКИНА.
(Лѣтній Буффъ).

Предсѣдательницей Общества дѣтскихъ пріютовъ М. А. Веселозоровой былъ устроенъ вечеръ въ пользу этого Общества.

Комедія „Домовой шалить“ мило была исполнена любителями. Въ концертномъ отдѣленіи украшеніемъ программы безусловно слѣдуетъ считать піанистку В. В. Тимонову. „Рапсодія“ Листа и „Gondolière“ Рубинштейна въ ея исполненіи не оставляютъ желать лучшаго.

Пѣвицѣ М. М. Филиной, принимавшей участіе въ концертѣ и исполнившей романсъ Аренскаго „Разбитая ваза“, можно поставить въ упрекъ смѣлость появляться на эстрадѣ безъ надлежащей подготовки и голосовыхъ средствъ.

Въ дивертиссементѣ особенный успѣхъ имѣли: Г-жа баронесса Фитингофъ-Шелль и Карина, исполнившія „Тарантеллу“. Г-жа

С. Д. и артистъ Императорскихъ театровъ А. В. Ширяевъ прелестно исполнили „Чардашъ“. — „Испанскій танецъ“ — съ большой жизнью протанцовали г-жа Тальори и А. В. Ширяевъ.

М. К—ій.

— Состоявшееся 20-го апрѣля закрытіе театра Аполло прошло оживленно.

Публика не скупилась вообще на апплодисменты; особенно-же бурно и восторженно вызывала изящную русскую *diseuse* г-жу Пушкину.

Ея успѣху позавидовала бы любая опереточная примадонна.

Забросанная розами, она пѣла свои пѣсенки безъ конца.

Имѣла непосредственный успѣхъ и *m-elle* Серра Морро.

Много разъ вызывали квартетъ Делла-Роза.

Румынскій оркестръ, подѣ управленіемъ умѣлаго дирижера г. Тасикѣ-Василеу какъ, и всегда съ особенною тщательностью исполнялъ различныя мелодіи.

МИЛЫЙ ДІАЛОГЪ.

Въ Москвѣ въ Большомъ театрѣ шла репетиція „Волшебнаго стрѣлка“. Оркестръ и хоръ исполняли свое дѣло плохо. Скрипачъ З. ошибся въ тактѣ. Тогда раздраженный дирижеръ закричалъ ему:

— Уходите вонъ!

Тотъ спросилъ:

— Почему?

Но Брандуковъ кричалъ:

— Вонъ! Вонъ! Позовите лакеевъ и выведите его!

Ученикъ вышелъ.

Въ догонку ему г Брандуковъ крикнулъ:

— Хулиганъ!

Тогда ученикъ, не помня себя отъ оскорбленія, кинулся на Брандукова и началъ кричать:

— Ты бездарность! Забываешь насъ. Самъ ничего не умѣешь и насъ портишь!

Часто, очень часто предѣ нами открываются „закулисы“ сцены, но улучшенія нравовъ мы какъ-то не видимъ...

А. П.

ВНИМАНІЮ АРТИСТОКЪ.

Въ парикмахерской Поля, находящейся на углу Пантелеймоновской и Моховой ул., жертвой огня сдѣлалась молодая артистка Елизавета Александровна Несторъ.

Смочивъ ей обильно голову воспламеняющимся составомъ—антисептиномъ, парикмахеръ не отодвинулъ на необходимое разстояніе газовыя рожки и, размахивая надъ прической насыщенный составомъ платокъ, слишкомъ близко поднесъ его къ огню.

Моментально вспыхнулъ платокъ, и огонь охватилъ также волосы г-жи Н.

Изображая собой горящій факелъ, молодая дѣвушка съ крикомъ ужаса бросилась было къ выходу, но, не находя его, начала бѣгать по комнатѣ. Всѣ присутствовавшіе въ комнатѣ служащіе до того растерялись, что сами бросились бѣжать отъ нея.

И только потомъ одинъ догадался накрыть дѣвушку одеждой и потушить огонь.

У ней оказались сожженными волосы, руки, а также спалено лицо.

Въ заключеніе можно полагать, что владѣльца парикмахерской ждетъ должное возмездіе за явную небрежность.

ШАРЖЪ.

Оригин. рис. И. ГРАБОВСКАГО.

Вышелъ номеръ!..

Литература и писатели.

БУДУЩІЙ ГЕНЕРАЛЬ.

Знаки отличія: чины и ранги, ордена и почетные отзвывы, громкіе титулы и просто клички...

Наша російская **самобытная** литература мало-по-малу начинаетъ усваивать эту геральдическую терминологию и не только усваивать, но и примѣнять ее къ жизни для опредѣленія степени талантности, трудоспособности и дѣловитости г.г. начинающихъ литераторовъ.

«Человѣкъ безъ имени»—это, своего рода, канцелярскій служитель, кандидатъ на первый классный чинъ, конечно, при условіи имѣющагося на лицо ценза по образованію, т. е. таланта. Къ числу канцелярскихъ служителей литературы принадлежатъ: репортеры, судебные хроникеры, (помните, Леонидъ Андреевъ?), т. е. весь штатъ тѣхъ чернорабочихъ, безъ которыхъ не обходится ни одна газета, если она желаетъ жить, а не умереть и которымъ заправили-дѣльцы, вмѣсто руки, подаютъ кончикъ мизинца, усыпаннаго дорогими брилліантами. Генералы отъ фельетона: г.г. Амфитеатровъ и Дорошевичъ начинали свою литературную карьеру съ канцелярскихъ служителей, а г. Дорошевичъ еще былъ дѣтищемъ «уличнаго гриба», а не сыномъ солидно-прогрессивной газеты. Не знаю, состоялъ ли когда-нибудь въ штатѣ канцелярскихъ служителей г. Александръ Яблоновскій,—уважаемый фельетонистъ бывшаго «Товарища» и «Русскаго Слова», а теперь «окадетившійся» въ листахъ: «Современки» и «Рѣчи», но мнѣ почему-то думается, что онъ сразу началъ съ 1-го класса чина:

— Колежскій регистраторъ Александръ Яблоновскій!..

— Ахъ, очень пріятно!..—лебезитъ редакторъ, съ чувствомъ благоговѣнія пожимая ему руку.

— Написалъ фельетонъ. Прошу напечатать,—въ словахъ—ни просьбы, ни требованія,

Но самоувѣренность...

И печатали, потому что чинъ колежскаго регистратора импонировалъ и на редактора, и на сотрудниковъ, и на газету, которая съ обожаніемъ смотрѣла на чины и ранги. Разъ ужъ колежскій регистраторъ, то это на языкѣ русской литературы называлось «человѣкъ съ именемъ».

— Со старшинствомъ?

— Точно такъ!..

Въ какомъ чинѣ сейчасъ г. Александръ Яблоновскій,—сказать трудно. Что онъ пе-

ревалилъ за чинъ титулярнаго совѣтника,—не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Иначе «сторожъ Никодимъ» не докладывалъ бы ему о провинціалѣ, который хочетъ видѣть г. Александра Яблоновскаго. Что ему, т. е. сторожу Никодиму, за расчетъ ронять свое достоинство предъ мальчишкой, у котораго изъ знаковъ отличія имѣется всего-на-всего только званіе—канцелярскій служитель... О, эти редакціонные сторожа, съ нюхомъ!..

Я съ удовольствіемъ прочиталъ маленькій рассказъ г. Александра Яблоновскаго, подъ названіемъ «Браслетъ». А когда прочиталъ, то, не раздумывая много, воскликнулъ:

— Вотъ и еще будущій генераль!..

Нужно вамъ сказать, что я только-что прибылъ въ столицу изъ самой глуши, до которой, по выраженію Гоголя, три года скачи, и не доскачешь.

Скромный провинціалъ въ обтрепанной шляпенкѣ, за которую ни одинъ тряпичникъ не дастъ трехъ копѣекъ, въ ботинкахъ, порыжѣвшихъ и не чищенныхъ съ момента, какъ я сдѣлался счастливымъ ихъ обладателемъ, и вдругъ въ «Браслетѣ» читаю:

«Я, признаться, терпѣть не могу этихъ господъ изъ провинціи: придетъ всегда не во-время (Ого!), разсядется (Конечно, лучше, если бы эти господа стояли въ почтительной позѣ предъ г. Александромъ Яблоновскимъ!), оторветъ отъ работы и въ заключеніе разскажетъ какой-нибудь вздоръ».

Во мнѣ заговорила провинціальная кровь, если хотите, провинціальная гордость, когда я прочелъ эти пренебрежительные строки г. Александра Яблоновскаго о господахъ провинціалахъ.

— Какъво? «Терпѣть не могу». Чисто по-генеральски! **«Никодимъ! А вы бы попробовали послать его къ черту...»** (Я прибавилъ бы еще: «на кулички»!..) И потомъ, когда этотъ нахаль, провинціалишка, дуракъ, умѣющій разсказать только одинъ вздоръ, все-таки добился «пріема» отъ г. Александра Яблоновскаго, Александръ Яблоновскій **«встрѣтилъ его почти съ чиновничьей (Разумѣй: генеральской!) грубостью»:**

— **Чѣмъ прикажете служить? Прошу садиться. Угодно папирозъ? Не курите-съ? Ну-съ, такъ я къ вашимъ услугамъ...**

Подъ конецъ аудіенціи онъ все-таки смилостивился надъ «голубоглазымъ» молодымъ юношей и написалъ... «Браслетъ».

— Ваше превосходительство, г. Александръ Яблоновскій!.. Я очень васъ ува-

жаю, я всегда съ удовольствіемъ читаю ваши талантливые фельетоны и говорю, всѣмъ говорю, что слава фельетонистовъ Амфитеатрова и Дорошевича перейдетъ къ вамъ, если вы только переживете ихъ, тѣмъ болѣе, что вы «проникли» въ святоесвятыхъ литературы безъ терній и волчицъ, не оскорбляемый и не унижаемый. Но зачѣмъ же... Зачѣмъ лгать на тѣхъ самыхъ провинціаловъ, которые и любятъ васъ, какъ умнаго, не гаерствующаго фельетониста, и читаютъ тѣ газеты, въ которыхъ вы работаете, и вообще слѣдятъ за успѣхами вашей литературной карьеры? Не ради же желанія похвастаться своимъ генеральскимъ тономъ предъ робкими невѣждами?

Неужели, въ самомъ дѣлѣ, такіе медвѣди, такіе нахальные, такіе глупые, эти господа провинціалы?!..

Не про петербуржцевъ ли,—«ташкентцевъ»,—наполняющихъ наши окраины и провинцію, выпустили вы свои крылатые и язвительно-ругательныя фразы.

— «Эхъ, образованный вы человѣкъ, г. Александръ Яблоновскій, а не умѣете карту передернуть!»..—вспомнилась мнѣ сатирическая фраза.

М. Поповъ.

— Комитетомъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ ответственности по 6 п. 129 ст. угол. улож. А. Куприна за напечатаніе въ сборникѣ „Зарницы“ № 1 повѣсти „Свадьба“. Кстати, въ обществѣ много говорятъ о столкновеніи, происшедшемъ въ квартирѣ артиста Ходотова, между писателемъ А. Купринымъ и А.—.

Присутствовавшіе писатели и артисты были глубоко возмущены поведеніемъ писателя, который безъ всякаго повода нанесъ г. А. оскорбленіе словами въ формѣ, характеризующей въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ самого г. Куприна.

— А. В. Амфитеатровъ закончилъ новую пьесу „Княгиня Настя“, „романъ для театра“ въ 4 д. и 5 карт. Въ пьесѣ изображена капиталистическая Москва со всѣми ея тузами, авантюристами и пр. Пьеса предназначается авторомъ московскому художественному театру.

— „Знаніе“ выпускаетъ дешевое изданіе монографіи А. Волинскаго о Леонардо да Винчи.

— Комитетомъ по дѣламъ печати возбуждено ходатайство о привлеченіи къ отвѣтственности писателя Арцыбашева по 73 ст. угол. улож. за книгу „Санинъ“.

— 22 апрѣля въ Спб. окр. судѣ безъ участія присяжныхъ засѣдателей слушалось при закрытыхъ дверяхъ дѣло по обвиненію известнаго писателя А. И. Куприна и бывш. редакторовъ газ. „Наша Жизнь“ Л. В. Ходскаго и А. Н. Котельникова въ распространеніи путемъ печати завѣдомо ложныхъ свѣдѣній о дѣятельности правительства, возбуждающихъ въ населеніи враждебное къ нему отношеніе.

Поводомъ къ обвиненію послужила напечатанная въ номерѣ отъ 1 декабря 1905 г. въ газетѣ „Наша Жизнь“ корреспонденція А. И. Куприна изъ Севастополя о способахъ подавленія мятежа на крейсерѣ „Очаковъ“ адм. Чухнинымъ.

Защищали Л. В. Ходскаго и А. Н. Котельникова прис. пов. М. Л. Гольдштейнъ и А. И. Куприна прис. пов. Соколовъ.

Окружный судъ, оправдавъ А. Н. Котельникова, А. И. Куприна и Л. В. Ходскаго призналъ виновными и приговорилъ къ штрафу А. И. Куприна въ 50 руб. и Л. В. Ходскаго въ 25 руб., съ замѣною, въ случаѣ несостоятельности, арестомъ Куприна на 10 дней и Ходскаго на 5 дней.

— Вышла толькочто изъ цензуры новая пьеса сценическая иллюстрація къ известной повѣсти графа Льва Николаевича Толстого: „Смерть Ивана Ильича“, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ (въ одной декорации).

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ этомъ отдѣлѣ редакція «Сцена и Жизнь» будетъ давать отзывы о всѣхъ поступающихъ въ редакцію новыхъ книгахъ и просить книгоиздательства и авторовъ не отказать въ присылкѣ выходящихъ изданій какъ въ столицахъ, такъ и внѣ ихъ.

„Второй Литературный Сборникъ Сибиряковъ“. Товарищеское изданіе. Спб. Цѣна 50 к.

Сборникъ этотъ подвергся „задержанію“, надо думать, по простому недоразумѣнію, и

теперь арестъ съ книги снятъ. Просматривая рассказы и стихи писателей—сибиряковъ, приходится, какъ это ни неприятно, высказаться въ отрицательномъ смыслѣ о данномъ матеріалѣ сборника. Блѣдна и безцвѣтна, въ особенности, проза. Не понимаемъ, зачѣмъ въ сборникѣ нашли мѣсто два карандашныхъ эскиза С. С. Синегуба „Изъ войны подъ Благовѣщенскомъ 1900 г.“, если и имѣющіе интересъ, то интересъ, такъ сказать, историческій, отдаленный: острота злободневности притупилась о почти десятилѣтнюю давность этой войны—триумфа и о позорныя страницы Цусимы. Въ сборникѣ есть красивыя стихотворенія *a-la moderne* Г. Вяткина:

Сѣверныя дѣвушки—сѣверные ландыши
Бѣлые, безгрѣшные кроткіе цвѣты.
Ласково-прекрасныя, свѣтлыя и ясныя
Дѣвушки безгласныя—въ храмѣ красоты.
Очень музыкальна „Лѣсная сказка“, но, къ сожалѣнію, она вся звучитъ „новѣйшимъ“ стилемъ изъ кружка молодыхъ писателей.
Сумракъ лѣса. Ночь—безъ сновъ.
Шумъ потока. Пѣснь—безъ словъ.
Волнъ мечтательные звоны,
Переливы, перезвоны,
Перекаты и поклоны
Въ колыбели изъ цвѣтовъ (?!)
Зато силой и мощью звучатъ стихи са-
моучки И. Тачалова, такіе гордые, выточен-
ные—безспорно, обладатель такого стиха—
талантъ, пока подражающій здоровымъ образ-
цамъ ветерановъ—поэтовъ, а не выжимкамъ
„свистопляшущихъ“ поэтиковъ.

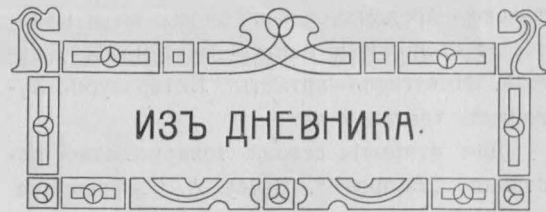
Тише, тише бури хохотъ,
Тише моря гнѣвный ропотъ
Волнъ неясный горькій ропотъ, точно
скрылся въ глубину,
Міръ, измученный, усталый, міръ, покры-
тый кровью алой,
Полонъ тайны небывалой, погрузился въ
тишину...

Но и среди поэзіи есть много вымучен-
ныхъ трафаретныхъ стихотвореній.

Впрочемъ, нужно сказать, что этотъ сборникъ составленъ старательнѣе, чѣмъ первый, который грѣшилъ сплошнымъ бал-

ластомъ, въ которомъ трудно даже было разобраться,—гдѣ свѣтлые ручейки поэзіи и истиннаго вдохновенія...

Но первые „блины“ всегда пекутся, по пословицѣ, комомъ. Мы твердо вѣримъ, что среди снѣговъ и пустырей сибирскихъ, обрѣтется красивый и мощный талантъ,—поэтъ и писатель,—и этотъ талантъ и писатель одухотворитъ будущіе товарищескіе сборники и привлечетъ къ нимъ вниманіе всей мыслящей и читающей Россіи.

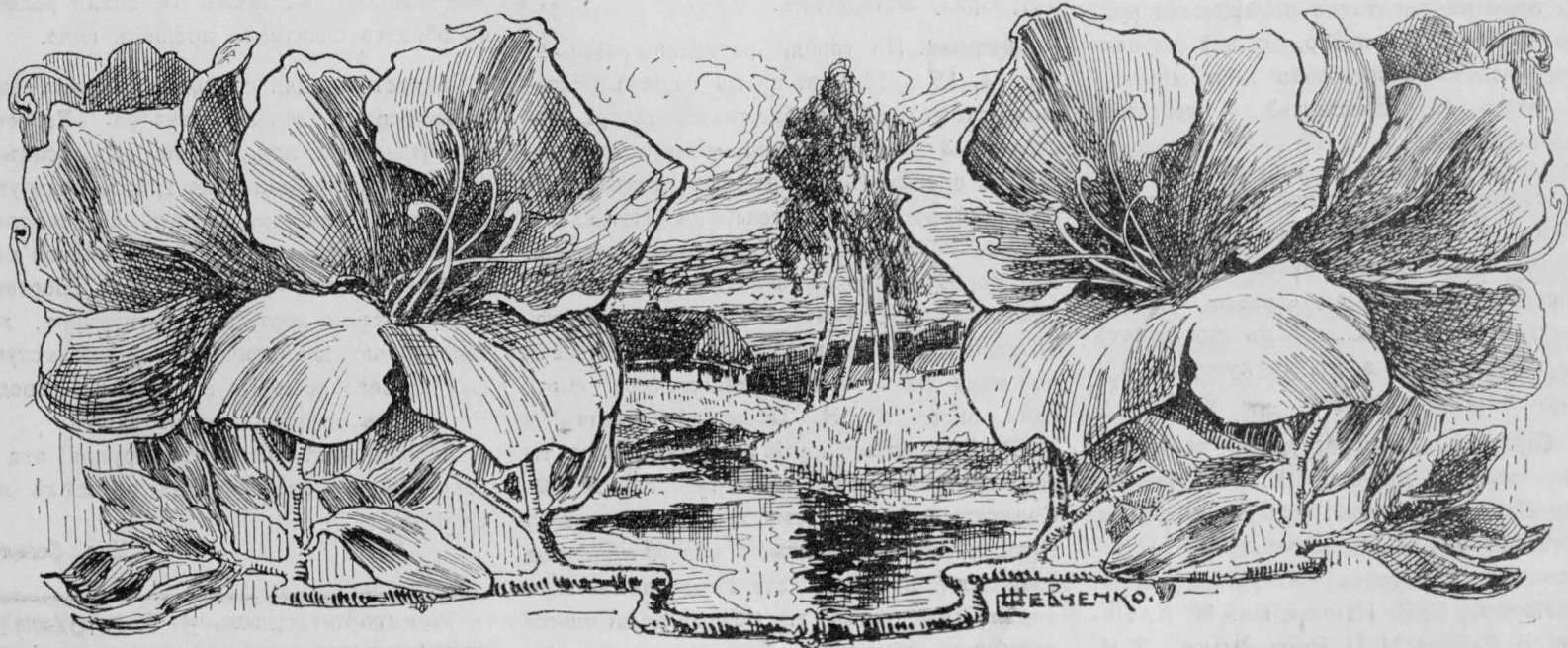

Ночь умерла въ борьбѣ съ разсвѣтомъ.
Забывъ тревоги прошлыхъ дней,
Я вновь пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ,
Съ тоской непонятой своей.
Не оправданья, нѣтъ,—забвенья
Я только прошлому искалъ,
И съ дѣтской вѣрой утѣшенья
Я отъ тебя упорно ждалъ.

О чемъ въ тотъ день мы говорили—
Я позабылъ уже давно;
Я помню только—мы шутили
Надъ тѣмъ, что было намъ смѣшно.
Но я сквозь смѣхъ глядѣлъ пугливо
Въ твои горячіе глаза,
А сердце, сердце молчаливо
Томила душная гроза.

И я ушелъ въ недоумѣніи...
Меня всего бросало въ дрожь;—
Что если всѣ мои стремленья
И всѣ порывы—только ложь?
Я задыхался отъ страданья,
И до сихъ поръ я какъ въ бреду;
И я боюсь, что оправданья
Я мукамъ сердца не найду...

Алексѣй Грунинъ.

Псковъ. 14-го апрѣля, на второй день пасхи, въ городѣ Псковѣ открылся лѣтній театральный сезонъ.

Въ этомъ году псковскій лѣтній театръ, принадлежащій псковскому Обществу любителей музыкально-драматическаго искусства, снятъ товариществомъ артистовъ подъ управленіемъ М. Г. Діевскаго и Н. А. Листова.

Въ составъ новой труппы вошли не только провинціальныя силы, но и нѣкоторыя столичныя, напр.,—Бастуновъ, Діевскій, Шмитгофъ—артисты Литературно-Художест. театра и др.

Для открытія сезона товарищество поставило „Вопросъ“, пьесу А. С. Суворина.

Затѣмъ шли пьесы: „Среди цвѣтовъ“—Зудермана, „Поряdochные люди“—К. Острожскаго, „Казнь“—Г. Ге, „Потокъ“—Л. Урванцова, „Женитьба Бѣлугина“—А. Островскаго и Г. Соловьева—(благотворительный спектакль въ пользу пріюта „Ясли“).

Это репертуаръ пасхальной недѣли.

Общее впечатлѣніе отъ первыхъ спектаклей, какъ и слѣдовало ожидать, получилось весьма отрадное,—всѣ вышеуказанныя пьесы прошли съ должнымъ успѣхомъ и носили на себѣ отпечатокъ серьезной, вдумчивой и увѣренной игры ихъ исполнителей.

Особенно за эту серьезность и вдумчивость игры можно похвалить гг. Діевскаго и Бастунова, безспорно опытныхъ и даровитыхъ артистовъ. Недурень также и г. Шмитгофъ, на котораго пребываніе его въ Маломъ театрѣ значительно повліяло съ хорошей стороны. О женскомъ персоналѣ пока умолчу. Я съ нимъ еще мало познакомился, скажу только, что онъ слабѣе мужскаго.

Этими краткими штрихами я и ограничусь въ своей первой замѣткѣ.

Не могу въ заключеніе не выразить своего крайняго удивленія по поводу поведенія псковской публики. Вновь сформированная труппа, съ именами столь извѣстныхъ артистовъ, для города Пскова—рѣдкость, но, между прочимъ, спектакли посѣщаются публикою поразительно плохо,—сборы за пасхальную недѣлю были самые ничтожныя.

— Чѣмъ это объяснить?.. — неволью спрашиваешь себя...

Стыдно признаться...

Въ Псковѣ въ настоящее время гоститъ какой-то проѣзжій циркъ, который своими громкими афишами заманиваетъ праздничную публику, обѣщая ей „чудеса чудесъ“.

И публика идетъ... И въ результатѣ циркъ переполненъ, а театръ пустуетъ.

Странно и прискорбно... **В. Р.**

Г. Саратовъ.—Общедоступный театръ.—Лѣтній сезонъ.—Дирекція В. А. Марковскаго.—Составъ труппы: В. Н. Астарова, А. М. Барсакова, С. Д. Васильева, Т. І. Волынская, Е. А. Гурова, Х. И. Каренина, В. А. Ларина, Е. В. Павловская, М. К. Палѣй, М. В. Радина, М. П. Ромаскевичъ, Л. И.

Чаева, В. В. Чеховская; гг.: Е. К. Барановскій, В. В. Галль-Савальскій, А. К. Гончаровъ, Г. Л. Гуровъ, Е. Г. Дубенскій, И. С. Казаковъ, Д. И. Кочетковъ, С. Е. Ларинъ, В. А. Марковскій, П. Н. Николаевъ, Ф. Н. Никитинъ-Фабіанскій, А. Н. Правдинъ, В. А. Рогожинъ, Н. О. Урбанъ, П. Г. Чаадаевъ, П. Ю. Юрьевъ.—Главный режиссеръ И. А. Ростовцевъ, помощники Казаковъ И. С. и Полозовъ, А. Л., суфлеръ—Ивановъ А. А., декораторъ—В. В. Смирновъ, администраторъ—П. Ю. Юрьевъ.

— Режиссеромъ И. А. Ростовцевымъ поставлены два благотворительныхъ спектакля—30-го марта (въ пользу народныхъ университетовъ) и 3-го апрѣля (въ пользу физико-медицинскаго общества). Пьеса—„Король“, Юшкевича.—Участвовали артисты Общедоступнаго театра и мѣстные любители.—Пьеса имѣла крупный успѣхъ.

— Общедоступный театръ.—Открытіе сезона 14-го апрѣля. Пасхальный репертуаръ: „Освобожденіе челоѣка“, 15-го—„Каинъ“, 16—„Гувернеръ“, 17—„Огарки“, 18-го—„Братья Карамазовы“, 19-го—„Докторъ Штокманъ“, 20-го—„На всякаго мудреца довольно простоты“.

— Въ городскомъ театрѣ—два благотворительныхъ спектакля мѣстныхъ любителей, съ участіемъ артистки Е. П. Шебуевой: 18-го апрѣля—въ пользу Ильинской профессиональной школы, пьеса „Каково мелется, таково и вѣтается“ и балетъ, 20-го апрѣля—въ пользу учениковъ 1-го реального училища—„Волна жизни“, драматическій этюдъ и „Женихъ“, (Изъ принципа).

Въ скоромъ времени ожидается пріѣздъ Е. Н. Чирикова, съ гастрольной труппой и съ пьесой „Колдунья“, подъ личнымъ наблюденіемъ и специальными декораціями художника Андріянова.

— Главный режиссеръ Общедоступнаго Саратовскаго театра И. А. Ростовцевъ приглашенъ режиссеромъ-же въ г. Оренбургъ, въ антрепризу Эстеррейхъ.

Двинскъ. По городу расклеены анонсы, что 14, 15 и 16 апрѣля въ нашемъ Риго-Орловскомъ желѣзнодорожномъ театрѣ состоятся 3 гастролы соединеннаго товарищества артистовъ С.-Петербургскихъ Императорскихъ и частныхъ театровъ. Поставлены будутъ: 1-й спект. 1) „Ренесансъ“ комедія. 2) „Морозъ по кожѣ“ др. этюдъ. 2-й спект. „Больные“ и „Гимнъ нищеты“ и 3 спект. „Король“ Юшкевича. Въ труппѣ имѣется не мало извѣстныхъ сценическихъ силъ, какъ напр. М. Н. Писарева-Звѣздичъ и Н. В. Давыдова и другіе артистки и артисты какъ малаго театра, такъ театровъ В. Ф. Комисаржевской и Неметти. Судя по составу труппы, можно надѣяться, что гастрольные спектакли пройдутъ съ ансамблемъ. 4-го апрѣля въ циркѣ г. Изакко происходила послѣдняя рѣшительная финальная борьба.

По окончаніи чемпионата отличизш. борцамъ были розданы призы и медали на 975 руб. 1-й призъ достался г. П. Крылову (Москва) 310 руб. и большой почетный серебряный кубокъ, 2-й призъ получилъ г. Али-Абдуль (Египетъ) 240 руб. и большую золотую медаль, 3-й призъ получилъ г-нъ А. Вахеръ (Эстляндія) 170 руб. и малую серебрянную медаль. Карлъ Ахматъ и К. Микуль получили по 25 руб., г. Кузнецовъ получилъ отъ директора цирка г. Ф. Изакко серебряные часы. Циркъ въ этотъ вечеръ былъ переполненъ; въ ложахъ было по 8—10 челоѣкъ. Говорятъ, что циркъ Изакко остается въ Двинскѣ еще на двѣ недѣли.

И. Цей—ль.

Самара. Сезонъ опереточныхъ спектаклей въ нашемъ городѣ окончился не благопріятно для антрепренеровъ. Какъ и слѣдовало ожидать, Самара—двухъ оперетокъ не можетъ выдержать, вотъ почему и сборы въ обоихъ театрахъ доходили до минимума. Въ опереткѣ Щепилло и Бутлера сборы не превышали 80 рублей, а въ городскомъ театрѣ у Кошевскаго сборы понизились до 150-200 р., несмотря на гастрольную приманку въ лицѣ Раисовой. Новинки также мало посѣщались публикой.

Такъ оперетка „Максимисты“ прошла при сборѣ около 200 р., хотя поставлена была съ внѣшней стороны прекрасно.

Въ роли Мессалинеты выступала Бауэръ и имѣла успѣхъ. Кошевскій былъ забавнымъ японскимъ маркизомъ Харакири и достаточно смѣшилъ публику, Гольбиновъ въ роли герцога Сагала былъ тоже на мѣстѣ, причѣмъ шегольнулъ въ этотъ вечеръ великолѣпнымъ гриммомъ. Но кто былъ слабѣе другихъ, это г. Барашовъ въ роли виконта Поликрата. Полное незнаніе роли, угловатыя манеры, неумѣнье носить фракъ, малороссійскій выговоръ, все это говорило не въ пользу Барашова. Остальные исполнители также не знали ролей, и въ общемъ спектакль прошелъ вяло.

Бѣлостокъ. Для открытія лѣтняго сезона арендаторомъ лѣтняго театра «Роскошь» Х. Гурвичемъ приглашена на мѣсяць не безызвѣстная украинская труппа подъ управленіемъ Гайдамаки. Труппа, какъ говорятъ, большая и образцовая. Самое видное положеніе занимаетъ артистка г-жа Шостаковская, которая достаточно популярна, какъ талантливая драматическая сила, выступавшая до сего времени въ разныхъ городахъ Россіи съ выдающимся успѣхомъ.

Можно надѣяться, что труппа эта будетъ имѣть у насъ успѣхъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Цез. Сегаль.

Редакторъ-Издатель **В. Г. БЛОХИНЪ.**